

Бойся своих желаний

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Бойся своих желаний

Анна и Сергей Литвиновы

Паша Синичкин, частный детектив #3

Когда ко мне, частному детективу Павлу Синичкину, пришла очаровательная девушка Мишель и объявила, что она – внучка одного из битлов, я, разумеется, не поверил. Но ее история звучала правдоподобно, доказательства выглядели убедительными, и мне... очень хотелось продолжить знакомство..... Так я взялся за поиски оригинала нот неизвестной песни «Битлз», которую один из участников легендарной четверки когда-то посвятил бабушке Мишель в память об их коротком свидании. Пожелтевший листок долгие годы хранился в семье, а сейчас его украли... Для начала я решил встретиться с прадедом Мишель, который якобы много лет назад организовал тайный приезд «Битлз» в нашу страну. Если это не просто красивая легенда, то почему правда выплыла на свет именно сейчас? Или Мишель от меня что-то скрывает?..

Анна и Сергей Литвиновы

Бойся своих желаний

Памяти Наташи Каширской и Димки Реброва

Ничего этого не было.

Реальные люди, равно как и персонажи романа, никакой ответственности за выдумки авторов не несут.

Пролог

Внучка

Наши дни

Синичкин Павел Сергеевич, частный детектив

И я сразу понял, что все-таки опоздал. В прихожей валялся нераспакованный чемодан, а рядом в неловкой позе, лицом вниз, лежала женщина. Затылок ее был весь в крови.

Месяцем ранее

Посетительница была молодая и, как принято говорить сейчас, борзая. И еще – она не сняла в помещении солнцезащитных очков. Держала себя, будто не только мои услуги уже купила, но и целиком агентство, включая секретаршу Римку, сейф дореволюционных времен и картину на стене «Русская зима», подаренную мне художником Н. С., с которого я снял обвинение в педофилии.

Часы «Радо» на красивой ручке, серьги «Шопард» в очаровательных ушках и шарфик от «Эрме» на тонкой шейке наводили на мысль, что молодой даме покупка сыскного агентства действительно по карману. Поэтому ее высокомерие, переходящее в наглость, мне пришлось скрепя сердце терпеть. Вдобавок моя фирмочка переживала очередной финансовый кризис – далеко не первый, но, как я оптимистично надеялся, последний.

Вероятная клиентка, правда, выглядела юной настолько, что у меня возникли опасения: есть ли у нее собственный счет в банке – или, чтобы купить каждую банку колы, ей приходится обращаться к папе/папику? Но в любом случае

выслушать ее стоило.

- Что привело вас ко мне, сударыня?

Вместо ответа она вытащила из сумочки прозрачный файл с одной бумажонкой внутри и бросила его на стол передо мной. Желаете разговаривать на языке жестов? Что ж, пожалуйста. Если меня бандиты олигарха Барсинского не испугали, то у тебя, девочка, и вовсе кишка тонка. Я усмехнулся и пробежал глазами листок. То был договор между агентством «Павел» (в лице П. С. Синичкина, в дальнейшем именуемого Исполнитель) и гражданкой по имени Мишель Моница (в дальнейшем – Заказчик). Согласно ему мне вменялось в обязанность выполнить в интересах Заказчика расследование, притом не разглашать никому сведений, полученных как лично от Заказчика, так и в ходе расследования. В случае нарушения пункта о конфиденциальности я обязуюсь уплатить штрафные санкции в сумме, эквивалентной двадцати тысячам долларов (в рублях, по курсу ЦБ РФ на день оплаты). Зато при достижении в ходе расследования результатов, удовлетворяющих Заказчика, я получаю те же двадцать тысяч долларов (в рублях по курсу).

Договор выглядел, как и сама девушка – понтовым, сырым и наглым. Впрочем, один пункт мне в соглашении понравился: сумма двадцать тысяч долларов.

- Вы на юридическом учитесь? – спросил я. – Или вы со всеми начинаете знакомство с подписания договора?

Она вспыхнула и хотела было ответить мне резко, однако сдержалась. Вместо этого сняла очки, и я впервые увидел ее глаза. Они оказались отнюдь не ледяными, а растерянными и даже беззащитными и о многом мне рассказали. Например, о том, что она балованная дочка состоятельных родителей, но человек, возможно, неплохой.

- Давайте начнем с другого, – молвил я. – Вас кто ко мне прислал?

Посетительница облизала губы, поколебалась – однако решила, что данные сведения не нарушат конфиденциальности, и проговорила:

- Татьяна Садовникова.

- А-а, Татьяна!.. Сколько лет, сколько зим!.. Скажите, Мишель, вы ей доверяете?

- Да, - не колеблясь, ответила девушка.

- А она доверяет мне. Иначе Садовникова вас ко мне не прислала бы, верно?.. - Моя будущая клиентка молчала, но молчание - знак согласия, поэтому я продолжил: - Давайте не будем разводить бодягу с договорами. И не потому, что я не люблю платить налоги - хотя я их действительно не люблю платить. Доверие ведь никакими договорами не предусмотреть, а недостаток доверия никакими дополнительными соглашениями не возместить. Словом, бумаг подписывать не станем. У меня другое предложение: вы для начала расскажете, что вас волнует. А уж я решу: возьмусь за это дело или нет. Если да, мы пожмем друг другу руки, и я проведу расследование.

Мой монолог, кажется, произвел на клиентку впечатление, и она сменила свой тон на гораздо более человеческий:

- Понимаете, если я расскажу вам всю историю, вы станете обладателем очень личной, конфиденциальной информации, которая в случае огласки серьезно может повредить репутации не только моей, но и всей семьи, и нарушить нашу... прайвеси... не знаю, как сказать по-русски.

- Частную жизнь, - перевел я. - Вы в Англии учились?

- Угадали.

- Значит, вы слышали, - заявил я с совершенно серьезным видом, - что частные детективы обычно дают перед началом своей деятельности нечто вроде клятвы Гиппократова. Там есть пункт о неразглашении сведений о больных - то есть, простите, клиентах.

Девушка улыбнулась. Она оценила мой юмор. Из нее потихоньку уходили надменность и задиристость. Стал более заметным ум.

Молодежь у нас в целом хорошая - впрочем, временами детишек нужно как следует сечь. Для их же блага.

- Вы знаете, Павел Сергеич, - сказала она, - мой рассказ будет долгим - однако я готова заплатить вам за то, что вы меня выслушаете. За ваше время.

Я пожал плечами.

- Встречаются, конечно, в Москве бессребреники. Но я к их числу не принадлежу.

- О'кей. Насколько я знаю, минимальная ставка юриста, консультанта или психотерапевта - сто долларов в час. Я вам так и заплачу. Устраивает?

- Почему же мне по минимальной ставке? - с улыбкой спросил я. - Обижаете.

- Ну, вы же просто выслушаете. И не будете меня консультировать, защищать, утешать.

- Утешить могу, - сказал я осознанно двусмысленно и глянул на девицу очень мужским взглядом.

Она не вспыхнула, не возмутилась. Прежним деловым тоном отмела мое предложение.

- Нет уж, спасибо. Не нуждаюсь.

- Ладно, начинайте вашу исповедь. Что-нибудь будете пить? Чай, кофе?

- Если можно, эспрессо.

- Римма, - гаркнул я. - Два двойных эспрессо, порфавор!

Мы потихоньку устанавливали с Мониной контакт и начинали, несмотря на вкрапления английского и испанского, говорить на одном языке. Мишель полезла в сумочку и вытащила оттуда пять стодолларовых бумажек. Сей жест мне понравился. При всем обаянии платиновых и золотых пластиковых карт шуршание наличных долларов имеет для меня особенное очарование. Кроме того, небрежное обращение клиентки с инвалютой доказывало ее платежеспособность. Однако несмотря на то, что в моем нынешнем положении

каждый «франклин» был на счету, от банкнот я небрежным жестом отказался.

- Гусары денег не берут, - повторил я шутку, услышанную еще от отца.

Девушка только пожала плечами и радостно спрятала купюры обратно в сумку.

Тут и Римма пришла с кофе, расставила перед нами чашки.

- Пожалуйста, не соединяй меня ни с кем, - попросил я ее.

- Хорошо, Пал Сергеич, - пропела моя помощница и прислуга за все. В случае нужды она тоже умела кинуть понты.

- Даже не знаю, с чего начать... - проговорила Мишель.

- С начала, - подсказал я.

Часть I

Мама

1. Большой шашлык

За двадцать четыре года до описываемых событий

Август 1986 года. СССР,

Черноморское побережье Кавказа

Юлия

Она знала, что сегодня у нее – последний шанс заполучить его.

И надеялась, что шанс – хороший, верный. Настолько верный, что девушка не просто чувствовала, но даже предчувствовала: как оно все случится. И от этих воображаемых картин сердце сладко томилось – может, ему, сердцу, было сейчас даже слаще, чем будет нынче вечером на самом деле от того, что обычно у девушек с парнями бывает...

А еще, когда Юля из своего сладкого томления выныривала, то ругала себя: предмет обожания совершенно ее недостойн. Как прабабки говаривали, это явный мезальянс! Студентик какого-то пищевого. Ни породы, ни связей, ни денег, ни перспектив. Зато... Какой же он красивый! Длинные ресницы. Красивые руки. И суперобволакивающий взгляд. И тоже обволакивающий, чуть хрипловатый голос. Когда она видела ЕГО, теряла голову и будто летела к нему, как в лазоревое, искристое море, замирая от сладкого удара, который вот-вот произойдет – и тогда теплое, обволакивающее проникнет сквозь поры, затянет, закружит...

Евгений

Шашлык на закате – не простое действие. Это вам не комсомольский субботник организовать. Хотя субботник тоже сложно. Но с шашлыком и вовсе нужны способности Маккиавели.

Следовало пригласить тех, кого нужно. А тех, кто не нужен, отсесть. При том, что желающих наверняка окажется раз в восемь больше, чем званых. И хорошо бы, чтобы кое-кто не пронюхал про экспедицию вовсе – а те, кто пронюхал, но не удостоился приглашения, не чувствовали себя обиженными и обойденными и надеялись, что они еще понадобятся и будут званы в следующий раз на более яркий и грандиозный праздник. Кроме оргвопросов и персональных дел, требовалось принять огромное количество решений по административно-хозяйственной части. А именно: закупка мяса на, собственно, шашлык; далее: дегустация, выбор и приобретение домашнего сухого вина в частном секторе – что в условиях антиалкогольной кампании стало полукриминальным делом; поиск в государственном магазине водки, коньяку и игристых вин; закупка и доставка с базара овощей и фруктов...

Да ведь еще и спальные мешки требовались, и одеяла, и матрацы надувные, и, как следствие, для переноски их и других объектов – рюкзаки... И тысяча мелочей, без каждой из которых Большой Шашлык мог быть безнадежно испорчен, а то и сорван: вода питьевая, кружки и кастрюли – для мяса и овощей, тарелки, и тазики, и ножи, и вилки (для эстетов)... А шампуры! А штопор! И не забыть про аптечку, а ее укомплектовать бинтами, и йодом, и анальгетиками, и бросить туда как минимум один «патронташ» презервативов, непременно индийских, а не кондовых советских – им только персонального дела не хватало по результатам совместного распития спиртных напитков! И без того, если узнают, что он, Евгений, организовывал сабантуйчик, могут раздуть историю. А он никогда бы и не взялся за такую организацию шашлыков – мало ему дел! – когда бы не она, Юлия-Джулия. Должно же до нее дойти наконец, доползти до ее головного мозга – или она, как и все телки, одним спинным живет, одними только чувствами? – должна же наконец эта Джулай Монинг, Юлия Мониная сообразить! Простая ведь мысль: он, Евгений, и она – идеальная пара! Он, конечно, готов ждать сколько угодно, и браки, разумеется, заключаются не на небесах – данное ветхое суеверие мы давно сдали в утиль – но пора бы уже и прозреть! Они оба – деловые, выдержанные, воспитанные. Каждому светит впереди карьера, а когда она будет помножена надвое, начнется кумулятивный, мульти-пликаторный эффект (как любит говаривать его научный руководитель). И один плюс один (при условии, если правильно выбран один и верно угадан второй) означает в сумме не пошлые два – а порой настоящий взрыв, взлет, миллион!.. За примером не надо далеко ходить: весь СССР, с дальних гор до северных морей, дружно ругает первую леди Союза, Раису Максимовну, с ее назидательным голосом и тщательными нарядами – а ведь он, Евгений, и прочее умное меньшинство понимают: да не будь сей дамочки рядом с САМИМ, Михал Сергеич остался бы максимум заведомо в Ставропольском крайкоме. А вместе – вишь, на какую высоту взобрались, стали владыками, без преувеличения, полумира: от пустынь Байконура – до берлинской телевышки, от Слынчева Бряга до камчатских гейзеров, и королева английская Елизавета Вторая покорно ждет чету у порога Вестминстерского дворца! И Джулии Мониной многое светит, если она наконец прильнет к с-понтон-простому и скромному рабочему пареньку Евгению. Да, настоящий рабочий паренек – аспирант Института мировой экономики и международных отношений, предзащита уже этой осенью, и тема шикарная – современное рабочее и профсоюзное движение во Франции, двухмесячная командировка в Париж уже случилась, и еще одна, четырехмесячная, намечается! А Джулия как будто напоследок старается дать волю своим низменным инстинктам, нагуляться на всю оставшуюся жизнь. Что ж! Он, Евгений, надо признать, неревнивый, и есть теория, что женщина в молодости должна как следует поб...овать, чтобы потом, в здоровой семейной

жизни, не хотелось приключений и фантастики, но сколько можно время терять? Да и обидно, что она вон опять запала на очередного красавчика и млеет от его взгляда из-под длинных ресниц и его голоса, и купается в лучах его улыбочки... И ведь не станешь власть употреблять, к примеру, отказывать нищелюбивому красавцу от Большого Шашлыка: во-первых, запретный плод вдвойне сладок, особенно для слабого пола, пример гражданки Евы нас в том убеждает. Не возьмешь соперника с собой сегодня – паршивка Юлия Монины впрыгнет к нему в окошко завтра. Лучше уж, когда все на виду и можно процесс хоть отчасти контролировать. Во-вторых, не надо забывать, что гад Михаил обеспечивает в данном мероприятии какой-никакой, а культмассовый сектор, и без него шашлык на закате рискует превратиться в вульгарную пьянку. Ведь у него, надо отдать должное, и гитара настроена, и богатый репертуар, и имеется к тому же портативный маг «Весна-302» и к нему неплохая походная коллекция кассет: и «Моден Токинг», и «Сайлент Сёкл», и новая американская звезда Майкл Джексон... Надо терпеть, а пока Джулия этим препохабнейшим типом увлечена, можно тоже дать себе волю и уестественить одну из неприхотливых самок под крупными черноморскими звездами!

...Вечерок, костерок, легкий бризок, моря шумок... Собрана и весело горит гора прожаренного солнцем топляка, на самодельные шампуры из ивовых прутьев нанизаны крупные замаринованные куски шашлыка, из рук в руки переходит эмалированная десятилитровая кастрюля, наполненная домашней «изабеллой». Ах, недаром, он лично руководил поиском, дегустацией и закупкой местного вина – напиток настоящий, первичный, неразбавленный, от него теплеет на сердце и веселится душа, и никакого бычьего водочного кайфа, только извращенец станет в условиях жары и моря сорокаградусной давиться, идиотов и не оказалось, бутылки пшеничной холодеют в ручье невостребованными. И даже говнюк-красавчик Михаил (со скрипом надо признать) органичен – сидит, пощипывает гитару, наигрывает тихонько: ах, что ей до меня, она была в Париже, и я вчера узнал, не только в нем одном. А Джулия внимает – конечно же, рядом с красавцем. Что ж, погуляй, моя роднуля, пощипли еще немного травку на вольном выпасе, недолго тебе осталось...

...К сожалению, все хорошее сгорает в жизни еще быстрее, чем плавун, просушенный добела под черноморским солнцем... р-раз, кажется, единственное движение ресниц – и съеден вкуснейший шашлык из закупленной на горрынке свиной шейки. И на три четверти пуста кастрюля с вином. И солнце, словно диафильм, скручено в воду, и высыпало никак не меньше миллиона звезд, включая Большую, Малую Медведицу, Млечный Путь, а также самодвижущиеся в разных направлениях спутники – как наши, так и нашего вероятного противника.

А девушка моя все млеет, все ей кажется, что ждет ее впереди сегодня нечто хорошее-прехорошее – что ж, надо освободить ей площадку, есть же другие кандидатуры: «Пойдем, Жанночка, с тобой по берегу погуляем». С готовностью: «Одеяло брать?» – «Бери!» А последнее, что увидишь, перед тем, как шагнуть за поворот тропиночки в кустах: костерок, его гитара и негромкий и впрямь обволакивающий голос:

Julia, seashell eyes, windy smile calls me.

So I sing a song of love, Julia[1 - Джулия, глаза-кораллы, дикая сердцем, зовет меня. И потому я о любви пою, Джулия... (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихи – Д. Леннон, П. Маккартни, вольный пер. с англ. – Анна и Сергей Литвиновы)].

...Все разбрелись, а кто-то и заснул, и так вышло, что красавец Михаил играл только для нее одной. А потом спросил, как дурак: «Я хочу тебя поцеловать» – и только после шести-семи секунд молчания додумался наконец отложить гитару, пересесть на камень к ней и обвить рукой плечи, и приникнуть к губам... ах, сладкий мой...

– Пойдем погуляем?

– Не спеши. Спой еще.

– Что тебе спеть?

– Что хочешь. У тебя все прекрасно получается.

Обрадованный комплиментом, он снова схватил гитару:

Is there anybody going to listen to my story.

All about the girl who came to stay...[2 - Выслушайте, кто-нибудь. Я расскажу о девчонке, что ко мне приходила...]

Она все летела и летела в мягкую теплую воду, а потом обрушивалась в нее, и кружилась, и наслаждалась в ней – и он там, рядом с ней, даже был не нужен, и на расстоянии, да еще под бархатный голос, что-то внутри нарастало и

распухало, как будто разворачивала свои крылья жар-птица...

А тут и смена ритма, и кружение с новыми па. Как в бесконечности и невесомости, лишенная тяжести и ориентиров:

Words are flying out like endless rain into a paper cup...[3 - Слова пролетают, как дождь бесконечный в бумажный стаканчик...]

А она шепчет:

- Ну, иди ко мне... только тихо, тихо... нет, дай уж я лучше тебя для начала успокою, а потом - ты будешь делать все, как я скажу...

- О господи! А! Еще! Ты - чудо! О! А!

- Тш-ш-ш-ш. Все. Теперь ты можешь отдохнуть. Недолго.

Пауза. Бесчисленные звезды равнодушно смотрят свысока на приевшийся им до зевоты сюжет: двое возлюбленных в рощице на морском берегу. После паузы:

- Не спишь? Ну, тогда, мой дорогой, пойдём погуляем. Бери свой спальник и - нет, не гитару, не буду тебя больше мучить, возьми свой маг... Нет, а вина не надо, ты должен быть пьян от любви.

А потом - то ли потому, что она влюблена, то ли много кислорода в морском целебном воздухе, то ли мальчик и впрямь оказался любящим и старательным - но стало ей хорошо. Настолько, что даже захотелось поделиться, весь вечер с его песнями подталкивал к тому, а тут еще и кассета из мага опять закружила, словно нарочно:

Michelle, ma belle,

These are words that go together well, my Michelle[4 - Мишель, миленькая моя, только эти слова я мог подобрать для тебя, моя Мишель...].

- А ты знаешь, Миша, мой Мишель, что битлы в Советском Союзе побывали?

Он кивнул:

- Слышал. - Голос его звучал до чрезвычайности иронично. - Побывали, приземлились в московском аэропорту, а им не дали визу и на землю сойти не разрешили. И тогда они подключили гитары к динамикам самолета и спели несколько песен для заправщиков, диспетчеров и стюардесс. А потом улетели и по пути назад, в свой Ливерпуль, прямо на борту лайнера написали песню «Бэк ин зе Ю-Эс-Эс-Ар». Как же, как же!..

- Ты не смейся. Все было совсем не так - но было.

- А ты откуда знаешь?

- У меня и доказательство есть.

- Какое еще?

- А ты посмотри на меня внимательнее.

- И что?

- Никого я тебе не напоминаю?

- Сейчас, в темноте? Надежду Крупскую. Ой, больно!

- А ты не хами. Ладно, я пойду купаться.

- Нет, постой.

- Руку убери от меня.

- А что ты хотела мне рассказать?

- Ты не достоин.

- Ладно, Джулия, брось! Сказавши «А», уж договаривай.

- Я передумала.

- Ну, как знаешь.

- Ладно. Ты только никому не рассказывай. Все равно не поверят. Никто не поверит. Скажут: или с ума девочка сошла, или обкурилась.

- Можешь на меня рассчитывать. Я – могила.

- Короче говоря, я – их дочка.

- Кого?!

- Битлов.

- Н-да? Хе-хе. Всех сразу?

- Зря я рассказала.

- Не, правда. Кого именно? Пола, Джона? Джорджа, Ринго?

- А вот этого я тебе не скажу. Пока не заслужил.

2. Резиновый трап

За восемнадцать лет до только что описанных событий

Февраль 1968 года

СССР, воздушное пространство близ берегов Камчатки

Нынче на частных самолетах какая только шелупонь ни летает, от певца средней руки до начальника управления магистральных трубопроводов всероссийской корпорации «Мосгаз»! А ведь сорок лет назад все: и вице-короли, и президенты, звезды зарубежной и тем паче советской эстрады – пользовались самыми тривиальными, рейсовыми. Только генералы, попросим заметить, причем по обе стороны Атлантики, летали литерными бортами намного чаще, чем теперь: они обеспечивали столь много привилегий им приносившее и еще больше сулившее бесперебойное противостояние двух мировых систем с различным социальным строем.

Итак, большинство из ста одиннадцати пассажиров самолета «Боинг семьсот семь», совершающего ** февраля 1968 года рейсовый трансатлантический перелет по маршруту Ванкувер – Токио, мирно спали. Командир борта Джон Киркпатрик также пребывал в своем кресле в некоем оцепенении. Методично гудят моторы, автопилот выправляет курс, ночь, они высоко над облаками... И вдруг командир услышал в своих наушниках голос, говоривший по-английски как на явно неродном языке, с резким, рубленным выговором человека, привыкшего повелевать:

– Борт двадцать три – пятнадцать! Борт двадцать три – пятнадцать! Отвечайте!

Киркпатрик стряхнул с себя оцепенение и осторожно промолвил:

– Слушаю вас.

– С вами говорит полковник Фиодоров, Военно-Воздушные силы Советского Союза. Ваш самолет нарушил воздушное пространство СССР. Повторяю: вы грубо нарушили воздушное пространство Советского Союза. Ваш самолет должен быть немедленно уничтожен.

– Господин полковник, меня зовут Джон Киркпатрик, я капитан борта двадцать три – пятнадцать. У меня на борту сто одиннадцать пассажиров. Мы мирное судно, повторяю: мы – мирное судно!

– Капитан, у меня на борту – две ракеты класса воздух – воздух. И пушка калибра тридцать миллиметров. И я имею приказ уничтожать, не вступая в переговоры, всякого, кто вторгнется в воздушное пространство Советского Союза.

Минуту назад, когда диалог в радиоэфире только начинался, капитан, на мгновение прикрыв рукой микрофон, дал указание второму пилоту немедленно определиться с местоположением лайнера в пространстве. Заметим, что до начала эпохи джи-пи-эс-приемников (во всяком случае, на гражданских судах, а про военные мы не знаем) оставалось еще как минимум пятнадцать лет. И тут, когда речь в наушниках зашла про самонаводящиеся ракеты, второй пилот продемонстрировал своему командиру полетную карту, от вида которой на лбу Джона проступила испарина. Их самолет и вправду углубился в воздушное пространство СССР – как минимум на сто пятьдесят миль и, если верить карте, нарушил границу советской империи не менее часа назад – не столь давно пройдя над совершенно секретным советским укрепрайоном на Камчатке.

– Господин полковник, – проговорил в микрофон капитан гражданского лайнера, адресуясь к русскому летчику и внутренне обмирая, – я вынужден принести свои извинения. Мое воздушное судно и вправду непреднамеренно нарушило ваше воздушное пространство. Я немедленно меняю курс с тем, чтобы как можно скорее покинуть запретную зону. Еще раз прошу меня простить.

– Капитан, вы не будете менять курс, – донеслась команда в наушниках. – Повторяю: курс не менять, как меня поняли?

– Понял вас хорошо.

– Продолжайте двигаться прежним курсом, а я немедленно выхожу на связь с моим командованием на земле, чтобы получить дальнейшие инструкции насчет вас, как поняли меня?

– Я понял вас, господин полковник, но прошу еще раз учесть, что мы гражданское судно и у нас на борту более ста гражданских лиц, в том числе...

– Конец связи, – не дослушал Киркпатрика советский военный летчик.

«Господи, – взмолился тут своему далекому и почти напрочь забытому ирландскому богу первый пилот, – помоги нам, спаси от гнева этих безбожников-большевиков, от которых всего можно ожидать! Пощади, боже, меня! Хотя бы даже не ради меня самого, а ради несчастных людей, что доверились мне – как я доверяюсь тебе, господи! – и дремлют сейчас в своих креслах, и даже не ведают, что может с ними произойти!..»

- Капитан, - прошептал второй пилот и даже постучал для верности циркулем в карту, - давайте поменяем курс, через двадцать минут мы выйдем из советского воздушного пространства, они даже не успеют договориться со своим командованием о том, как с нами поступить, бюрократия у русских еще похлеще нашей, мы успеем сделать ноги - а, капитан?

- Мальчик мой! Ты забыл - с русскими шутки плохи. Будь мы с тобой вдвоем, на истребителях, тогда б мы еще побегали. Ты не помнишь, что тащишь за собой сто одиннадцать душ?

А в наушниках снова прорезался советский летчик:

- Капитан Киркпатрик, покачайте крыльями в знак того, что слышите и хорошо понимаете меня. Я вошел с вами в визуальный контакт.

- К сожалению, не вижу вас, полковник Фиодоров, - ответил американец ирландского происхождения.

- Это оттого, - хохотнул русский, - что у вас в кабине нет телевизионного прицела. Или есть?

- Нет-нет, - испугался Киркпатрик, - что вы, конечно же, нет. Я выполняю ваш приказ: качаю крыльями в знак того, что хорошо вас понимаю.

- О'кей, мой американский друг!

Настроение советского летчика с момента последнего выхода в эфир явно улучшилось. Наверное, он получил одобрение своим действиям от собственных начальников.

- Теперь слушай мою команду, - продолжил русский полковник, - вы переходите на эшелон семь с половиной и ложитесь на курс двести шестьдесят пять. Как поняли меня?

- Какова наша цель, полковник?

- Наша цель - коммунизм! - снова хохотнул советский летчик. («Может, он берет в полет флягу с водкой и время от времени взбадривает себя?») - А ваша цель: совершить посадку на территории Советского Союза в точке, которая вам будет указана в дальнейшем. Повторите, как поняли меня - ваш эшелон, ваш курс?

- Да ведь это - захват воздушного судна, полковник!

- Это - ПЕРЕхват, капитан! Вы что, отказываетесь подчиниться?

- Какова цель нашей посадки на вашем аэродроме?

- Возможно, вам расскажет об этом мое командование. А может, и нет. А я как раз не уполномочен обсуждать с вами эти вопросы. Эй, почему вы не меняете курс, капитан, как мы с вами договорились?

- А мы - договорились?

- Вы не поняли моего приказа, капитан?

- Приказа? Мы что - военнопленные? У меня гражданское судно, полковник, напоминаю вам!

- Вы отказываетесь подчиниться?!

Какая-то прямо шлея - а может, зловредный ген твердолобых ирландских предков - вдруг заставили капитана Киркпатрика, такого всегда невозмутимого, теперь необъяснимо и губительно упрямитесь. Однако он продолжал стоять на своем:

- Я не понимаю, товарищ полковник, с какой стати я обязан исполнять ваши приказы.

Второй пилот с все возрастающим и переходящим в страх удивлением следил за поведением своего старшего коллеги. «Господи, помоги! - взмолился он - не сумрачному католическому богу Киркпатрика, а своему, легкому, все понимающему, протестантскому. - Мало нам всем было одного упрямого ирландца, мистера президента Джона Ф. Кеннеди, - который схватился с

русским бараном-хохлом Хрущем и чуть не вверх всех нас в карибскую катастрофу. И этот, мой командир, – туда же! Хочет нам всем тут местный, локальный конец света устроить! С Советами не шутят!»

– Не спорьте. Мистер Киркпатрик, я вас умоляю, – прошептал помощник.

– Вы спрашиваете, почему обязаны исполнять мои приказы? – доносилось из наушников. – Да хотя бы потому, что у меня на борту – ракеты, и пушка, кстати, есть.

– А у меня – два сенатора Соединенных Штатов и член японского парламента, и двое корейских проповедников, и, между прочим, всемирно известные музыканты, квартет «Битлз» – слышали о таком?..

– Капитан, – скучающим тоном урки, старшего по камере, проговорил русский полковник, – я начинаю обратный отсчет. Когда скажу «ноль», я нажму ту самую кнопку. Она, кстати, действительно красного цвета. И даже если вы умеете делать противоракетный маневр (а мне почему-то кажется, что умеете), все равно, напомню, у меня не одна, а ДВЕ ракеты, от двух не увернетесь, даже ваши «Фантомы» над Вьетнамом не уворачиваются. И не забывайте про тридцатимиллиметровую пушку. Итак, время пошло... готовность к бою тридцать секунд... двадцать девять... двадцать восемь...

– Полковник, четыре всемирно известных музыканта! Сенаторы! Парламентарии! Мирные люди!..

– Двадцать три, двадцать два...

– Мистер Киркпатрик, какая вас муха укусила, они же нас всех погубят, делайте, как он говорит! – не выдержал помощник.

– Вы еще ответите, полковник, – перед своим же командованием!

– Восемнадцать, семнадцать...

– Я вас прошу, кэп, да что ж вы делаете?! – заголосил помощник.

– Ладно, черт с вами, полковник Фиодоров, я ложусь на указанный вами курс. Чем вам еще покачать, чтобы доказать, что я понял вас хорошо?

– Двенадцать. Одиннадцать...

– Черт, черт! Ухожу на эшелон семь с половиной, курс – два шесть пять, как поняли меня, полковник?

И, наконец, голос в наушниках – как глас Бога, как весть о помиловании:

– Понял вас, мистер Киркпатрик. И зачем, спрашивается, было столько упрямиться? Валяйте, выполняйте!

Второй пилот не мог, да и не хотел сдержать вздох облегчения. Честно говоря, он бы с большим удовольствием съездил Киркпатрику по морде.

– Дамы и господа, с вами говорит командир корабля Джон Киркпатрик, – не прошло и пяти минут, а голос первого пилота (с некоторой даже завистью определил пилот второй) звучал уже совершенно как обычно: то есть уверенно-снисходительно, фамильярно-задушевно, такому голосу хотелось доверять. – Наш самолет начал снижение. Через десять, много пятнадцать минут он совершит посадку – однако не совсем там, где мы все намеревались быть, не в городе Токио, Япония, а несколько в другом месте. Хочу обратить ваше внимание, что наша посадка не вызвана неисправностями, абсолютно все системы корабля работают нормально. Но так сложились обстоятельства, что мы довольно скоро окажемся на земле. На той самой, на которой и я, и мой экипаж, как, уверен, и многие из вас, давно мечтали побывать. Так случилось, что наш самолет в процессе полета благодаря усилиям команды, – снисходительный взгляд в сторону второго пилота, – слегка заблудился. И теперь, чтобы пополнить запасы горючего и продовольствия, нам потребуется совершить промежуточную посадку – как вы думаете, где? – в России, в Сибири! Честно говоря, я весь в предвкушении! Наземные службы, разумеется, предупреждены о нашем визите, мы связались с ними, и они, дамы и господа, заверяю вас, весьма радушны. Я не уверен, будут ли они встречать нас чаем из самовара, своими знаменитыми пирожками и балалайками, но мы не окажемся для них незваными гостями. Пусть вас не беспокоит отсутствие у всех нас российских въездных виз, советские власти не станут предъявлять нам по этому поводу претензий и сажать нас в свои широко известные, – легкий смешок, – сибирские

лагеря ГУЛАГа. Полагаю, что через пару часов мы продолжим свой полет. Впрочем, если кто-то захочет задержаться в гостеприимной Сибири, – новый смешок, – я думаю, вам с удовольствием скажут: велкам!

А руки командира Киркпатрика в то самое время выполняли привычную работу: руль чуть вправо и слегка от себя: соскальзывая вниз по сторонам «коробочки», подбираясь к заветной глиссаде над незнакомым аэродромом – явно военным, предназначенным для стратегической авиации, с трудно произносимым именем Кырыштым. А мозг, как о занозе, помнил о кружащем где-то там, в невидимой черной вышине, полковнике Фиодорове с его, черт его дери, двумя ракетами класса воздух – воздух и тридцатимиллиметровой пушкой.

– Господин Джон Киркпатрик? – в наушниках раздался другой голос: гораздо более уверенный в себе и лучше изъясняющийся на английском, даже с аристократическим выговором Восточного побережья США. – С вами говорит генерал Васнецов. Мы рады приветствовать вас, ваш экипаж и всех пассажиров на советской земле.

Киркпатрик только что совершил посадку на длиннющей взлетно-посадочной полосе аэродрома Кырыштым, которая явно не часто видела шасси гражданских машин. Если только не допустить, что русские поставили на поток захват пассажирских лайнеров над Охотским морем.

Капитан включил реверс и выпустил на полную закрылки, и благополучно затормозил – а полоса все тянулась, а по обе стороны от нее расстилалась заснеженная тайга... И некуда свернуть, и на мгновение возникла даже в голове странная мысль, что вот так эта дорога будет длиться через непроходимые леса, и длиться – пока, в конце концов, не въедешь по ней прямо в Кремль.

– Прослушайте, пожалуйста, мистер Киркпатрик, – продолжил вещать в наушниках генерал Васнецов, – порядок вашего пребывания на гостеприимной советской земле. Итак. Первым делом всем нам следует позаботиться о пассажирах, верно? Поэтому после того, как вы проедете на указанное нами для стоянки место, мы выведем всех путешествующих для кормежки и отдыха – автомобили и автобусы уже в пути. К сожалению, трапов, соответствующих вашему воздушному судну, у нас в хозяйстве нет, поэтому вам, к моему глубокому сожалению, придется воспользоваться собственными аварийными. Первыми из самолета должны выйти, как у вас на Западе заведено, путешествующие первым классом. Кто там у вас на борту из важных персон, вы

говорите? Сенаторы, парламентарии, проповедники, музыканты?

– Да, десять человек.

– Мы развезем их всех в гостиницы. Лимузины уже на подходе. Далее наступит черед обычных пассажиров.

Послушный парень «Боинг» все катил и катил по гигантской взлетке-просеке в тайге. И экипаж в кокпите, и Киркпатрик не сомневались: пассажиры на своих местах во все глаза глядят в иллюминаторы по сторонам – хотя по совести ничего особо интересного видно-то и не было: мощнейший заснеженный бор, в сравнении с которым даже леса Монтаны и Орегона показались бы пригородным парком. Наконец-то стал виден край посадочной полосы – и рулежная дорожка, опять-таки среди леса, направление на которую показывал защитного цвета советский джип. Киркпатрик осторожно отправился следом за русским внедорожником – и спустя еще две минуты оказался на бетонной площадке, где и остановился.

Площадка была лишена каких-либо строений и иных объектов. Ни ангаров, ни трапов, ни заправщиков, ни автобусов... Абсолютно пустая бетонная поверхность среди леса, и кроме американского самолета – лишь только зеленый, как кузнечик, джип русского производства. Впрочем, если внимательно присмотреться, можно увидеть: по периметру всей площадки, в строгом порядке, на расстоянии метров пяти друг от друга, под сенью окружающих деревьев выстроились советские солдаты в ушанках, шинелях и с автоматами через плечо. И, едва лишь самолет замер и Джон Киркпатрик заглушил моторы, оцепление получило, видимо, команду сомкнуться, потому что каждый солдат сделал шагов двадцать вперед – и в результате могучая, американская, однако безнадежно гражданская воздушная машина оказалась в плотном кольце вооруженных советских парней.

Пока Киркпатрик совершал руление по бесконечной ВПП (явно предназначенной для советских стратегических бомбардировщиков, нацеленных на родные Соединенные Штаты), а затем передвигался по рулежной дорожке и парковался на одинокой площадке, он не переставал исподволь оценивать окружающую обстановку и степень угрозы пассажирам, экипажу и доверенной ему технике. И вдобавок – слушать в наушниках бубнеж генерала Васнецова, который непрерывно втолковывал ему инструкцию, как следует взаимодействовать с властями в период «кратковременного пребывания на гостеприимной советской

земле».

– Ваши пассажиры особой важности, а также впоследствии экипаж будут доставлены в лучшие из имеющихся в нашем распоряжении гостиниц, где обычно проживает офицерский состав, временно командированный сюда из других воинских частей... К сожалению, мы не имеем достаточного количества мотелей и отелей для того, чтобы разместить всех остальных пассажиров вашего лайнера. Мы отправим их для ночлега в солдатские казармы. Прошу заметить: для того, чтобы создать вашим пассажирам хотя бы минимальные удобства, нам пришлось временно эвакуировать оттуда наш солдатский и сержантский состав и разместить его в полевых условиях в палатки.

Киркпатрик тут хотел буркнуть, что ни он, ни кто бы то ни было из его пассажиров в гости к Советам не напрашивался – однако все же прикусил бойкий ирландский язычок, решил не злить генерала Васнецова. А тот продолжал вещать:

– Автобусы, мистер Киркпатрик, уже подъехали, на кухнях готовится обед, дневальные застилают свежее белье. После эвакуации всех пассажиров и экипажа на борту, как и положено капитану, остаетесь вы один. К вам поднимутся представители советского военного командования, и вы передаете ваш самолет под нашу ответственность.

– Я обязан это сделать? Оставить свою машину вам?

– Вы обязаны это сделать, – подчеркнул советский военный. – А мы просто обязаны его досмотреть. Вы слишком долго путешествовали над нашими водами и землями, в том числе над теми, которые мы предпочитаем никому не показывать.

– У меня на борту нет шпионской аппаратуры, генерал.

– Вот мы и хотим в этом воочию убедиться, сэр. Итак, еще раз: первыми идут сенаторы и проповедники, затем – музыканты, потом все прочие пассажиры, после – экипаж. Вы хорошо меня поняли, мистер Киркпатрик?

– Боюсь, что да. Когда мы сможем продолжить наш полет?

– Когда мы покончим с формальностями, ваш самолет будет заправлен, вы проверите его исправность, а экипаж отдохнет. Заверяю вас, что задерживать и искусственно чинить препятствия вашему отлету мы не станем.

– Мы тоже не хотели бы злоупотреблять вашим гостеприимством, генерал, – галантно отвечал Киркпатрик.

– Что ж, у нас говорят: раньше сядешь – раньше выйдешь, – хохотнул general Vasnietsov. «А они шутники, эти русские – когда все идет по-ихнему». – Давайте начнем эвакуацию, капитан.

– Йес, сэр.

Киркпатрик переключил микрофон на внутреннюю трансляцию и отдал указание стюардессам открыть люки и развернуть трапы экстренной эвакуации.

И в тот же самый миг откуда-то с дороги, скрытно выходящей из леса, вывернули два черных лимузина, похожих одновременно на весь американский автопром пятидесятых годов: с огромными крыльями и полутораспальными капотом и багажником. Лимузины подкатили к самолету и остановились в почтительном отдалении. А из того самого советского джипа, что показывал дорогу пассажирскому лайнеру, выпрыгнули двое высших советских офицеров: один – генерал, с лампасами и тремя звездами на золотых погонах, второй – полковник. Не спеша, можно даже сказать, величаво, они направились к гражданскому лайнеру. А тут и экипаж Киркпатрика сработал, как часы. Две стюардессочки раскрыли первый запасной трап левого борта, одна скатилась по нему и встала на земле страховать пассажиров, вторая замерла наверху у распахнутого люка, обе, умницы, – ни малейшего тебе внимания ни на тайгу вокруг, ни на автоматчиков, ни на советских генералов, словно дело происходит в тренировочном центре.

И вот – покатались: первыми двое конгрессменов, потом косоглазые японские парламентарии, затем – еще более косоглазый корейский проповедник. Все пятеро съезжают по трапу с большим человеческим и гражданским достоинством. Каждому стюардесса помогает подняться, символически отряхивает, каждому козыряет стоящий у подножия трапа советский генерал, а полковник всех новоприбывших провожает по очереди к подкатившему лимузину, подсаживает, улыбаясь. Все в высшей степени политесно – будто бы

даже в соответствии с неким разработанным протоколом – хотя вряд ли, подумал Киркпатрик, в СССР существует протокол по части встречи пассажиров лайнеров, захваченных в чужом воздушном пространстве. Или все-таки он есть? Или русские сумели так подготовиться к их встрече за неполные три часа, пока самолет летел до аэродрома Кырыштым?

Гигантский кар, нагруженный пятью американо-японо-корейскими ВИП, отвалил от надувного трапа, а потом на малой скорости удалился в сторону леса. На его место под крыло выдвинулся второй черный лимузин. Киркпатрик, внимательно наблюдающий из своей кабины за всеми маневрами, вдруг подумал, что здесь, в сибирской тайге, черные машины выглядят в высшей степени странно. Подобного рода «Понтиаки» или «Шевроле» пилот привык видеть на улицах американских городов в желтом, красном, синем цвете – да еще, как правило, в варианте кабриолет, с несерьезными водилами или компаниями, обвеваемыми всеми ветрами. И теперь лицезреть их родных братьев, выкрашенных в похоронный черный, казалось столь же странно, как если бы субъект, всю жизнь проходивший в гавайке, появился на людях в смокинге. А смокинг, если продолжить сравнение, опять же сильнейшим образом диссонировал с шинелями и ушанками, глухим лесом вокруг, кольцом охраны с автоматами и военным джипом поблизости. Однако вместе с тем – Джон прислушался к себе – никакого страха не было. Он почему-то не беспокоился ни за свою судьбу, ни за будущность пассажиров. Было лишь безмерное любопытство. И в высшей степени интересно, что случится дальше, и до крайности забавно. Ситуация оказалась из тех, с рассказом о которых станешь впоследствии королем вечеринок – да и внукам на закате жизни будет что поведать близ камина с бокалом ирландского.

Между тем церемония встречи подходила, как отчего-то почувствовал первый пилот, к своей кульминации. Со стороны леса к самолету зачем-то выдвинулась еще одна группа военных людей, человек восемь. Приглядевшись, Киркпатрик заметил, что это ни больше ни меньше – военные музыканты. Эдакий полковой оркестрик. Вспыхнула на зимнем солнце медь труб и погасла. Оркестранты подошли к трапу и построились в две шеренги. Вскинули трубы. Парок от их дыхания улетал вверх. Место перед музыкантами занял дирижер – животастый, но перетянутый портупеей. Трубачи, скашивая глаза в пришпиленные к инструментам ноты, грянули довольно слаженно «Марсельезу». И в тот момент абсолютно все солдаты, стоявшие в оцеплении, взяли на караул, а двое дежуривших у трапа высокопоставленных военных вытянулись по стойке «смирно» и поднесли ладони к фуражкам.

«Странно, отчего играют «Марсельезу»? – подумалось Киркпатрику. – Песня хоть и революционная, но это ж французский, кажется, гимн. У русских – другой, а что именно? «Интернационал», кажется?» Однако тут «Марсельеза» словно сама собою перешла в совсем другую мелодию – ее Джон узнал, хотя не слишком жаловал, да и странно было бы не знать, когда родные дети, погодки Джон-младший и Джек, гоняли сингл на своем проигрывателе до посинения. «Love, love, love... – с напряжением задули в трубы советские музыканты тему, сочиненную теми самыми парнями, что присутствовали сейчас на борту «Боинга». А потом: – All we need is love, all we need is love...»[5 - Любовь, любовь, любовь... Всем нам нужна любовь...]

И ровно в сей момент на трапе стали возникать музыканты. В руках они держали гитары в чехлах. По именам их Киркпатрик не различал, все четверо были ему на одно лицо. Но парни, вылезавшие один за другим на экстренный трап, выглядели донельзя довольными, и каждый, слыша мелодию собственного сочинения в исполнении русских солдат, приходил натурально в экстаз. Еще в проеме люка, невзирая на мороз, и первый, и второй, и третий, и четвертый, начинали бешено и радостно махать руками, отдавать честь, посылать оркестру воздушные поцелуи, словом, всячески дурачиться. Стюардессы – и та, что регулировала наверху выпуск пассажиров из люка, и нижняя, помогавшая их приземлению, лучились вблизи своих кумиров восторженными улыбками. Киркпатрик ощутил мгновенный приступ ревности – потому как не сомневался, что обе представительницы славного воздушного экипажа готовы немедленно отдаться любому из этих четверых волосатых подонков. Та, что встречала парней внизу, аж прижаться старалась к ним форменной своей грудью.

А советский трубач, временами чудовищно фальшивя, принялся выдувать, солируя, затравочную мелодию битловской песни, ленивый речитативчик:

There's nothing you can do that can't be done,

Nothing you can sing that can't be sung.

Nothing you can say, but you can learn how to play the game.

It's easy[6 - Ничего ты не сделаешь из того, что не сделал, Ничего не споешь из того, что не спел, И ничего не скажешь, но можешь научиться играть —Просто!].

Ливерпульские юные миллионеры, сведшие с ума всех тинейджеров по всему миру, съезжали, к собственному великому восторгу, на попах по резиновому

трапу; внизу, тиская походя стюардессочку, поднимались на ноги и замирали, встречаемые неслыханными почестями со стороны роты советских солдат и высших офицеров. Во всем происходящем вдруг почувствовалась атмосфера карнавала, хипповского хеппенинга – совсем уж неожиданного со стороны суровых русских, тем более военных, тем более на секретном сибирском аэродроме.

И весь экипаж Киркпатрика, повскакавший с мест и столпившийся по левому борту, замороженно наблюдал за диковинной картиной – равно как, пилот в этом не сомневался, и все пассажиры, прильнувшие к иллюминаторам.

А внизу Битлы, не сговариваясь, построились в шеренгу. И генерал, и полковник продолжали держать под козырек. Оркестр грянул припев, и авторы всемирно популярной песни не удержались, подхватили, чрезвычайно радостные, не жалея даже глотки на морозе: «All we need is love, all we need is love...»

А когда оркестрик наконец стих, трехзвездный советский генерал – кто бы заснял эту шокирующую картину! – отдал короткий рапорт стоящему первым юному хиппарю (кажется, то был мистер Маккартни). Слов Киркпатрику не было слышно, однако происходило воистину что-то потрясающее, неслыханное, из ряда вон выходящее.

Полковник сделал английским музыкантам приглашающий жест в сторону лимузина, однако господин Маккартни, принятый советской стороной за старшего, что-то ему возразил. (Жаль, о чем говорили, в кокпите не было слышно.) Генерал в ответ коротко кивнул, и четверо хиппарей, более популярных, по их собственному утверждению, чем Иисус Христос, кинулись к полковому оркестрику. Они окружили солдатиков в мешковатых шинельках и всячески принялись выражать им свое восхищение. Разумеется, советские валенки из сибирской глуши не понимали ни слова по-английски, а ливерпульские парни не знали ни шиша по-русски, но общение вышло на славу. Битлы хлопали своих почти ровесников по плечам, поднимали вверх большие пальцы, обнимали музыкантов. Затем явился химический карандаш (его, кажется, подобострастно поднес полковник), и всемирные звезды стали оставлять свои автографы на нотах советских солдат – тут и стюардессочка не утерпела, покинула свой пост и подсуелась с неведомо где добытым клочком бумаги.

Затем, наконец, битлы отлепились от оркестрантов. А советский полковник стал крайне вежливо, но настойчиво оттеснять звезд к лимузину. Дирижер поднял руку, и русские солдаты снова грянули в свои трубы, литавры и барабан все ту же песню. Битлы, не без помощи полковника, уселись в автомобиль. Последним впрыгнул в черный торжественный кар советский генерал – и стало совершенно ясно, ради кого и чего он здесь присутствовал. На перроне остался полковник, и оркестрик, надувая щеки, доканчивал «All we need is love». Праздник завершился.

А на смену лимузину, который с непоколебимой важностью уплыл в сторону леса, вырулило два автобуса – пузатых и корявых: для всех прочих пассажиров, не обремененных высоким статусом или всемирной известностью.

«Конечно, – подумал Киркпатрик, – за те три часа, что нас перехватили, и полковник Фиодоров на своем «МиГе» довел нас сюда, никто не смог бы подготовить подобной встречи: с оркестром, лимузинами, ротой оцепления, трехзвездным генералом и двумя автобусами. И что остается думать? Значит, они нас ждали. Значит, все неслучайно. И в воздушное пространство Страны Советов мы залетели, выходит, совсем даже не наобум».

Киркпатрик зло глянул в сторону второго пилота.

– Ты топор из-под компаса уже вынул? – высокомерно, ехидно и зло спросил он.

– Что-что? – округлил глаза подчиненный. Он, кажется, совершенно искренне не понял.

– «Дети капитана Гранта» читал?

– Нет, сэр.

– Ты еще и неграмотный? Думаешь, ты выбрал для себя подходящую линию защиты? «Дяденька, я просто случайно заблудился», да?

– Не понимаю, сэр, о чем вы... – пробормотал помощник.

– Ладно, руководство разберется. Ты только моли бога, мальчик, чтобы тебя не стало раскручивать ФБР...

– За что, сэр? – обалдел второй пилот, не выходя из своей несознанки.

– Ты, тварь, знаешь за что! – рявкнул Киркпатрик.

3. Звездная минута

Сразу после описанных событий

Февраль 1968 года, СССР, Хабаровский край,

секретный аэродром дальней авиации,

поселок Кырыштым

И вот наступил звездный час генерала Васнецова... В черном лимузине на советской земле рядом с кумирами всего свободного мира... Правда, следует признаться, что никакой он не генерал – да и странно было бы иначе, какой же советский генерал, разве только не служащий Первого главного управления КГБ СССР, мог бы изъясняться с американским пилотом, а потом и с ливерпульскими музыкантами на сносном английском языке? Генеральскую форму Васнецов надел только лишь затем, чтобы гостям из-за моря (да и местным дуболомам) легче было усваивать про его полномочия. «А каким может быть мое звание в переводе на военный язык? – мимолетно задумался он. – Неужто маршалским?» Во всяком случае, начальник Дальневосточного военного округа перед ним вытягивался в струнку, не говоря уж о первых секретарях дальневосточных обкомов. Еще бы: специальный эмиссар ЦК, советник самого Брежнева с неограниченными полномочиями, прибывший с особым, совершенно секретным заданием. Решать многие вопросы ему пришлось уже здесь, когда дали отмашку и стало известно, что они – полетят. Взять хоть одну вроде бы мелкую деталь: как раздобыть в глухой тайге на совсекретном аэродроме Кырыштым лимузины, достойные высоких гостей? Пришлось срочно перебрасывать военно-транспортным бортом один из Владивостока, другой – из Хабаровска. А вот еще,

казалось бы, чепуховина – но она явилась истинным украшением спецоперации – военно-духовой оркестрик! Где, скажите, разыскать в глухой тайге ноты и, главное, слова песенок пресловутых Битлов – которые даже и в столице Страны Советов днем с огнем не сыщешь? Пришлось гнать фельдъегеря в Москву, в спецхран, за нотами и лириксом – тут Васнецову без особых полномочий и без звания, приближенному к маршальскому, и вовсе было не обойтись.

Но это мелочи – хотя в нашем деле, товарищи, мелочей не бывает! – в сравнении с организацией спецоперации в целом, в которой были задействованы такие высоты, такие силы, что только держись! И советские посольства, и резидентуры в США, Великобритании, Японии, Индии и Канаде, и ПГУ, и ГРУ, и воздушные, наземные и железнодорожные части ДВО, и местные управления КГБ, МВД, а также обкомы КПСС, не говоря уже о райкомах с горкомами и горсоветами на подхвате... И никто, кроме отдельных, особо доверенных исполнителей, не догадывался о конечной цели и смысле операции и главных ее фигурантах.

4. Как мы назовем рок-группу?

Еще двумя годами ранее

1966 год. СССР, Москва и Подмосковье

Васнецов Петр Ильич

А уж сколько сил понадобилось Васнецову, чтобы саму эту идею о визите в СССР ансамбля «Зе Битлз» протолкнуть через самые верха – порой, что там и говорить, еще достаточно косные, особенно когда речь идет о марксистско-ленинском воспитании нашей молодежи. Разумеется, ничего бы не удалось сделать передовому человеку Васнецову, проходившему, между прочим, годичную практику в Колумбийском университете, когда бы не команда, прозвучавшая из самых что ни на есть державных уст. Разумеется, не мог он рассчитывать ни на главного идеолога страны товарища аскетичного Суслова, ни на ответственную за культуру ткачиху Фурцеву.

Васнецов много раздумывал в часы одинокие ночи, каким нестандартным ходом вернуть к СССР доверие и уважение на Западе – изрядно пошатнувшееся после двадцатого съезда КПСС, да так и не восстановленное? Как привлечь к зияющим высотам коммунизма западную молодежь? Как наших комсомольцев, которые, несмотря на мощную идеологическую работу по искоренению низкопоклонства перед Западом, все чаще поворачивают свои головы в сторону тлетворного буржуазного влияния, причем по всем фронтам: от одежды до литературы и музыки? И вот однажды ночью, среди бессонницы, в гостинице, просим заметить, города Вашингтона, округ Колумбия, Васнецова (не генерала, но тогда завсектором ЦК) вдруг осенило: «Битлз!» Кто нынче известнее всех в так называемом свободном мире? Чья популярность несопоставимо выше, чем у битников, художников-абстракционистов и даже политиков (включая, увы, заграничных коммунистов)? Чья музыка слышится всюду, даже из советских молодежных общежитий и квартир (когда они оставлены взрослыми), затмевая недавно возникших отечественных кумиров Высоцкого и Окуджаву? Да, да, именно «Битлз»! А ведь эти музыканты (Васнецов являлся широко образованным человеком и буржуазную прессу не просто почитывал, но тщательно прорабатывал) были простыми парнями из портового английского города, наши – рабочая косточка. И песни пусть зачастую безыдейные – зато порой все ж таки случаются и с душой, а кое-когда даже демонстрируют кризис духовности и религии, а также трагическую разобщенность, одиночество простого человека в мире капитала:

Father McKenzie writing the words of a sermon that no one will hear,

no one comes near.

Look at him working, darning his socks in the night when there's nobody there,

what does he care?[7 - Пастор Маккензи проповедь грянет – но для кого? Никто не пришел. Глянь на работу его – ночами он чинит носки, а вокруг ни души. Для кого?]

Генерал Васнецов (который тогда и не мечтал, что будет когда-нибудь называться генералом) вдруг подумал – в тот миг, когда счастливая идея о битлах вдруг пришла ему в голову: «О, насколько бы повысились акции!» Кого и чего, и где? Акции и СССР, и других стран народной демократии, и идей мира и социализма, особенно в западном мире, да и у нас в стране – если бы кто-то из популярных музыкантов пусть даже не восторженно, но в позитивном контексте отзывался о первой в мире Стране Советов! И только лишь мысль о такой захватывающей перспективе пришла ему в голову – а Васнецов, как и положено

подлинному шестидесятнику, работал не за деньги, не за карьеру, а лишь бы, как пелось в популярной в СССР, но не битловской песне: «Была бы страна родная, и нету других забот», – сразу пришла и другая, горьковатая: а с чего бы волосатикам положительно отзываться о нашей Родине? А следом и другая, конструктивная: как сделать так, чтобы они, эти популярные люди, воспели, хотя бы даже в прозе, страну Ленина и Горького?

Самый простой путь – гастролы. Но у генерала немедленно начиналась изжога, стоило ему лишь представить, сколь обыден данный путь, сколь много трудов он потребует и каким непредсказуемым может оказаться его результат. И какими пагубными провалами грозит он ему лично – если хоть что-то в ходе визита музыкантов пойдет не в ту степь. Стоит, допустим, восторженным комсомольцам прорвать оцепление и выскочить на летное поле Внуково навстречу кумирам... Или ненормальной поклоннице из числа золотой молодежи бросить, подобно англо-американским ровесницам, свой лифчик на сцену... Или же отделу по борьбе с проституцией накрыть девчонок, желающих проникнуть в битловские номера... А кому-то из фарцовщиков засыпаться на спекуляции билетами на концерт... Васнецов не сомневался: любой такой прокол – и старая гвардия, и без того с недовольным ворчанием скалившая зубы на него, красивого, сорокалетнего, сожрет в один момент. Да и вместо восторженных откликов от битлов можно дожидаться в результате таких афронтных лишь язвительных комментариев в буржуазных СМИ. А даже если пройдут гастролы без сучка, без задоринки – где гарантия, что о первой в мире стране социализма волосатики станут высказываться в восторженных тонах? С чего бы вдруг? От лицемерия Красной площади? Кремля? Ленинских гор? Только что построенной, с иголки, Останкинской телебашни? Эмиссар ЦК был здравым человеком и знал, что от досужего гастролера можно добиться лишь стандартного восхищения красотами архитектуры – а от этих юнцов-зубоскалов, может, и того не услышишь. Напротив, того и гляди обнаружат или тараканов в «Интуристе», или нехватку пива в баре – никогда не угадаешь.

А вот если привезти битлов инкогнито... Да безо всякой шумихи... В обход посольств и наглых борзописцев-инкорреспондентов... И тогда, той же вашингтонской памятной ночью, замаячила в голове у него первая идея будущей блестящей спецоперации... Потом она стала принимать все более ясные и впечатляющие контуры.

Однако ее, столь красиво и лихо придуманную, следовало для начала пробить – и Васнецов понимал, что никто ему тут не помощник, не на кого ему опереться –

ни на непосредственных начальников в ЦК партии, ни на товарищей из КГБ, ни на кого из членов Политбюро. Больше того – он предчувствовал: стоит ему только не то что начать двигать свою идею, а хотя бы даже о ней заикнуться, как он получит в ответ от вышестоящих товарищей не просто непонимание, а, пожалуй, и шепотки за спиной, и выразительное покручивание у виска, и сочувственные взгляды. А ведь ничто не может быть хуже для советской – партийной – комсомольской карьеры, чем сочувствующие взгляды и недвусмысленные жесты в районе виска, ибо следующим шагом может стать диагноз: заврался, оторвался, вознесся – и последующая ссылка вдаль, в лучшем случае в страну Конго, а то ведь и в Ямало-Ненецкий округ.

Но, к счастью, для продвижения своей блистательной идеи был у шестидесятника один-единственный канал, имел он одного-единственного, но важного сообщника...

В ту пору – как, впрочем, и нынче – многие вопросы удавалось решать заинтересованным товарищам через вельможных жен. Ни тогда, ни сейчас сие не означало обязательного адюльтера – хотя и на адюльтер, разумеется, готовы были ради карьеры пойти нижестоящие товарищи, пусть и опасным, обоюдоострым оружием он представлялся. Иное дело платонические ухаживания. Легкая, а то и грубая лесть. Бескорыстное и охотное исполнение самых разнообразных поручений, от мелких до деликатных. Согласитесь: какое женское сердце, обычно одинокое, измученное бесконечными отлучками супруга, цекистого ответлица, не дрогнет от безупречно вежливого, скромного, привязанного, исполнительного адъютанта! Кто не замолвит за него мужу словечка, указывая на преданность без лести, столь ценимую на этажах власти! Не одна карьера началась, да и нынче начинается с места оруженосца, верно и без посягательств несущего шлейф важной дамы!..

Встречались в то время, равно как и сейчас, отдельные любители, что действовали через детей сиятельных персон. Огромный простор открывало совместное обучение в центровых спецшколах – как правило, с английским уклоном, где при определенной политической маневренности сын простого инструктора ЦК мог усесться за одну парту с дочерью члена секретариата или, допустим, кандидата в члены политического бюро. И даже сын дворника (но счастливо проживающий где-нибудь в районе Бронных) запросто сталкивался на переменах с дочерьми министров.

Надо отдать ему должное, негенерал Васнецов – в прошлом боевой офицер, фронтовик, морпех – был человеком прямым и знающим себе цену. Ниже собственного достоинства счел бы любое лизоблюдство, особенно перед дамами. И потому не уважал такого рода маневры. Однако чем отличается человек умный и смелый от льстеца и хама? Да тем, что у него получается любое лыко в строку. Помогает ему, как говорили в старину, бог (которого, разумеется, нет – это такая фигура речи).

Короче говоря, в данной ситуации пригодились третье поколение – иными словами, внучка.

Как уже отмечалось, дети и внуки партийной элиты тесно общались между собой. Еще теснее, пожалуй, чем их отцы и матери. И семья Васнецовых в данном контексте вовсе не являлась исключением. Надо заметить, что негенерал (или больше чем генерал) всячески старался поддерживать со своей дочерью Натальей пятнадцати лет от роду отношения в духе добросердечия и взаимопонимания. Он, во-первых, любил ее и, во-вторых, помнил, что юность особенно подвержена разного рода порывам. И счастье, если этот порыв произойдет в правильном направлении: к учебе, познанию мира или хотя бы даже любви – но к достойному юноше из хорошей семьи. А ведь случается и наоборот с детьми – особенно с теми, что проживают в обстановке материального благополучия, а также недостатка внимания со стороны родителей и педагогов. Упустишь подростка – а там недалеко и до дурной компании, начнутся фарцовка, пьянство, неудачная любовь, а то и беспорядочные половые связи или даже наркотики! Во избежание вышеуказанного, Васнецов старался по возможности понимать свою доченьку, любить, а через это и контролировать. Хоть и вздыхала ревниво жена, Валентина Петровна: «Балуешь ты ее!» – старался Васнецов с Натальей проводить как можно больше времени.

Собственно, знакомство с современной популярной музыкой у «генерала» с Наташкиных интересов и началось. Когда он отъезжал в ответственную командировку в Штаты, упростила его дочка привезти долгоиграющую пластинку тех самых битлов. Что ж! Желание дочери – закон (если только оно, это желание, в правильном ключе и нужном русле). Васнецов, верный своим традициям контролировать и направлять, первоначально сам прослушал музыку волосатиков, а также почитал кое-какую литературу. И признался себе, что ему песнопения парней из рабочих кварталов скорее понравились. Если, конечно, отбросить всю шелуху вроде их длинных волос, а также вызывающее поведение

на сцене (и атмосферу истерии, раздутую вокруг квартета продажными буржуазными газетами, радио и телевидением). Песни-то были мелодичные, приятные, запоминающиеся. А генерал знал в музыке толк. Любовь к мелодике и ритмике началась еще на войне, а продолжилась в послевоенные годы, когда бравого прихрамывающего каплея в отставке взялась учить музыке выпускница Елецкой музшколы, московская студентка Валечка – и ведь выучила, очень недурственно стал Васнецов музицировать, а уж пел своим баритональным басом – вообще заслушаешься. А сама учительница вскорости стала его женой и матерью Натальи.

Раз уж буржуазная молодежь нынче столь увлечена бит-ансамблями, как их называют, – будучи там же, в Америке, подумал генерал, – имеет смысл и у нас в стране создать нечто подобное по форме, наполнив, разумеется, советским, полезным содержанием. Пусть выходят молодцы на сцену (вот, кстати, и название хорошее для музыкального коллектива: «Добры молодцы») и поют – и о любви, конечно, но в то же время пусть звучит в их творчестве патриотическая нота: Родина, березки, память о войне, любовь к труду, уважение к старшим... И конечно, следует вычистить поганой метлой все наносное, вредное. Волосы можно разрешить не столь, конечно, длинные, как у «Битлз» – однако чуть длиннее общепринятого, никаких воплей и прыжков на сцене, но слегка приплясывать можно. Надо поговорить по возвращении с товарищами из комсомола: пусть потихоньку, исподволь возьмут на себя контроль за организацией молодежных бит-групп. Ведь бесконтрольность может привести к тому, что комсомольцы станут сами образовывать подобные квартеты, квинтеты и секстеты – а за самостоятельными деятелями уже гораздо труднее будет уследить: и в смысле содержания песен, и внешнего вида, и поведения музыкантов на сцене. Ведь почти прошляпили, можно сказать, упустили движение современных акынов-трубадуров-менестрелей. Вон, несется совершенно бесконтрольно из каждого окошка хрипение Высоцкого с его блатным репертуаром. И только сейчас начали искать товарищи подходы к артисту с тем, чтоб направить в правильное русло его репертуар: военно-патриотическая тематика, романтика трудных дорог, покорение Сибири... Вот и молодежные джаз-банды нельзя упустить. Надо и молодым композиторам, и поэтам-песенникам из соответствующих творческих союзов дать поручения по созданию специальных молодежных песен, а затем крепко контролировать их в смысле «лито»[8 - Одна из разновидностей цензуры в советские времена: ни одно произведение, в том числе музыкальное, не разрешалось без особым образом оформленного разрешения властей.]. Ну и, разумеется, само название «бит-группа» или там «рок-квартет» новому музыкальному движению совершенно не годится. Следует именовать их иначе, безо всяких там битов и

роков. К примеру, вот хорошее, в меру скромное, но многообещающее прозвание: «вокально-инструментальный ансамбль», а почему нет, сокращенно ВИА? И конечно, надо подумать над именами собственными. Как вышеупомянутые ВИА будут называться? Ведь что такое «Битлз» в переводе? «Жуки»! Жучки, можно сказать. А другие? «Роллинг стоунз», представьте себе: «Катящиеся камни». Или «Стальной цеппелин». Ужас! Нет, нужны имена яркие, но скромные, с оттенком романтики: «Голубые гитары», к примеру. Или те же гитары – но поющие. Или, скажем, верные друзья. Или поющие ребята. Или, напротив, веселые ребята. Комбинаций множество. Можно кое-кого даже с вызовом назвать. Например, «Машина времени».

Да и в советских республиках следует создавать такие коллективы, чтобы использовали в молодежном стиле традиции и духовное богатство национальной музыки и песни. К примеру, на Украине вокально-инструментальный ансамбль именовать «Кобзари». В Белоруссии – «Песняры» или, допустим, «Сябры». В Таджикистане – «Акыны». Впрочем, последнее как-то нехорошо, незвучно и даже издевку может напомнить над таджикским народом.

Что ж, загранкомандировка прошла не зря! Васнецов удовлетворенно потянулся. Правильно писал лучший поэт нашей эпохи товарищ Маяковский: «Глазами жадными цапайте все то, что у нашей земли хорошо, и что хорошо на Западе». И загранпоездки для ответственных работников, как бы ни шипели недоброжелатели, нужны не только для снабжения семьи дефицитным инвалютным промтоваром. Мало того что мы, будучи за рубежом, по мере сил укрепляем взаимопонимание государств с различным социальным строем. Являем собой на Западе передовой отряд, проводник советских идей. Мы и часы передышки (во всяком случае, Петр Ильич Васнецов лично) используем на благо Отчизне. Когда заканчивались намеченные рабочие встречи, он не бегал по универсам и барахолкам, подобно некоторым несознательным командированным. Он запирался в своем номере, порой смотрел телевизор, но чаще размышлял. Очень удобно: ни совещаний, ни отчетности, ни звонков. Сиди себе в номере, посматривай с высоты двадцать третьего этажа на буйство неоновых реклам и автомобильные пробки и думай – а мысли неминуемо сбивались на работу.

Вот и тогда, в Вашингтоне, Петр Ильич вознамерился из заграницы не просто пластинку «Битлз» для дочки привезти – но и самих битлов!

Дома, в Москве, прежде чем передать Наташе в подарок конверт с «диском» (так молодые, кажется, называли на своем жаргоне грампластинки), Васнецов еще раз прослушал музыкальный материал. И опять оказалось: приемлемо. В словах никакой антисоветчины. Конечно, много нескромного: «Я хочу быть твоим мужчиной», подумать только! Мы, разумеется, решил Петр Ильич, должны будем наши ансамбли направить на более романтическое, целомудренное воспевание отношений между мужчиной и женщиной. Но в целом подрастающему поколению слушать можно – а уж какой приступ восторга вызвала пластинка у Наташеньки!

– Папка, ты прелесть!

Вклинилась Валентина:

– Балуеть ты ее.

– Ну, я и тебя тоже балую, дорогая, разве нет?

– Балуеть, балуеть, спасибо за духи.

– Дай я тебя расцелую, папка!

– Только ты ж понимаешь, доча: пластинку эту лучше из дома никуда не выносить: вдруг кто-нибудь неправильно поймет. И здесь показывай ее своим друзьям с оглядкой: кому – можно, а кому – нет.

– Ох, папка! Скажи: неужели ко мне сюда неприличные люди приходят?

– Очень приличные.

– Вот видишь! А Нина – приличная?

– В высшей степени.

– А можно я тогда ее прямо сегодня приглашу диск послушать?

– Конечно, я предпочел бы, чтобы ты провела этот вечер с нами – но что попишешь, выросла ты.

– Ну, папка, не обижайся.

Итак, одноклассницей и подругой Наташи Васнецовой была Нина Навагина, внучка нынешнего члена Политбюро Устина Акимовича Навагина – верного соратника и, можно сказать, друга Леонида Ильича еще с молдавских времен. (Когда-то девочка была политически ошибочно названа в честь супруги Н. С. Хрущева, но что ж теперь поделаешь.) Нина Навагина неоднократно бывала у Васнецовых дома, и почти генерал, верный своим традициям контролировать контакты дочери, был рад этой дружбе. Причем, как человек широкий, не только ввиду поста, что занимал Нинин дедушка, но и потому, что она сама являла собой образец ума, дисциплинированности и вежливости.

И вот Наталья пригласила Нину на девичник. Сначала чинно попили на кухне в компании родителей чаю с конфетами, а потом девочки убежали в Наташину светелку. И тут благодетельствованная дочь продемонстрировала гостье новую пластинку пресловутой четверки. Ох, сколько было визгу, радости, а потом даже и скачков! Альбом был прослушан первый раз, а затем и второй – а после отец был призван, чтобы немедленно подключить к проигрывателю магнитофон «Грюндиг» и сделать перезапись на катушку специально для Нины.

Только совсем уж ограниченный, колхозный человек смог бы додуматься и обвинить Петра Ильича в том, что он своими подарками (как ни крути, с определенным антисоветским душком) тлетворно влияет на дочку и ее друзей. Его и не обвинили. Да и вообще: партаппаратчики тогда насмерть, зубами готовы были отстаивать свое право привозить из-за границы то, что им хочется. И питаться через распределитель чем хочется. И каждый понимал: сегодня ты донесешь, что васнецовская дочка слушает незалитованную музычку, а завтра про тебя прознают, что твоя супруга конфискованные бриллианты у дружка, милицейского генерала, скупает.

Поэтому Васнецов не просто продолжал спокойно снабжать дочку самыми свежими, наиболее популярными образчиками западной музыки, но и однажды поделился с девочками своей сокровенной мечтой. Дело было так: праздновали Наташино шестнадцатилетие. Она сама не захотела, чтобы в гости к ней заявила компания одноклассников, особенно мальчиков: «Они прыщавые дебилы, видеть их никого не могу». В итоге пригласила лишь Нину. Дочка

крупного руководителя прекрасно вписалась в семейную атмосферу Васнецовых, не скромничала, но и не важничала, была умна и весела. Опять произвела на всех самое благоприятное впечатление.

И вот когда уже ушли обе Наташиных бабушки и испили чай, мама курсировала между столовой и кухней, унося тарелки, а домработница Глаша их мыла – Васнецов сидел за полуразоренным столом вместе с обеими девочками: Натой и Ниной. Настроение его было великолепным: «доча» выросла, вон в какую красавицу превратилась. Да и умница, ничего не скажешь. Теперь осталось ее только выучить да замуж выдать. Ну, об этом он подумает завтра – на свежую голову.

И он с чувством опрокинул еще одну стопку коньяка. Был он размягчен и добродушен. Девочкам тоже разрешили впервые в жизни в праздничный вечер пригубить шампанского и портвейна из крымских подвалов. И тут Петр Ильич, уже снявший галстук, возжелал произвести на обеих юных красавиц впечатление и стал демонстрировать свое знание современной зарубежной эстрады – а потом его монолог сам собой соскочил на идею привезти в Советский Союз «Битлз».

Рассказ произвел ошеломляющий эффект. Девочки подняли такой радостный визг, что из кухни прибежала не только мама, но и испуганная Глаша. Юные леди расцеловали «папку» и «дядю Петю» в обе щеки и висли на нем: «Классно! Железно! Здорово придумано! Сделайте это, дядя Петя, – для всех для нас!» И когда девчонки слегка успокоились, а мама с домработницей снова скрылись на кухне, Васнецов стал рассудительно и осторожно доказывать девочкам, что идея, может, и замечательная, да только согласовать ее со всеми, от Министерства культуры до чекистов, и пробить (а решение необходимо принять на самом высоком уровне) будет до чрезвычайности трудно. Есть в наших товарищах, к сожалению, определенный процент косности и боязни, как бы чего не вышло.

Но тут Навагина сказала, и голос ее звучал весьма уверенно:

– Ничего, дядя Петя, – «дядей Петей» он в ее устах стал впервые только сегодняшним вечером, раньше был чопорным «Петром Ильичом», – мы вам поддержку на таком высоком уровне обеспечим, что выше не бывает.

Говорила девушка категорично, почти безапелляционно, однако Васнецов внутренне лишь посмеялся: что может соплюшка-десятиклассница совершить для того, чтобы стронуть дела практически государственной важности?! Тем паче ее дедушка, Устин Акимыч, к культуре имел самое опосредованное отношение – служил когда-то начальником политотдела армии и отвечал за артистов, приезжавших на фронт. Нынче он курировал в Политбюро вопросы обороны и военно-промышленного комплекса.

И о тех минутах, когда Васнецов открылся в сокровенной мечте перед дочуркой и другой отроковицей, он вскорости забыл. А напрасно. И напрасно, как оказалось, не верил в способности и возможности Нины Навагиной.

5. Все могут короли

За четырнадцать месяцев до приземления «Битлз»

30 декабря 1966 года

Брежнев Леонид Ильич,

Генеральный секретарь ЦК КПСС

Достиг я высшей власти.

Эти стихи – он не помнил чьи, кажется, Пушкина – вот уже несколько дней крутились в голове. А в сердце кипело – словно пузырьки от шампанского. Он и в самом деле достиг высшей власти. Разве мог он, парнишка-землемер, даже мечтать об этом?

И пусть горе-соратники шепчутся за его спиной. Пусть считают компромиссной фигурой. Пусть будут уверены, что скоро он уйдет, уступив место более достойному. На-кася выкуси! Зубами вас погрызу, а кресло не отдам!

Он посмотрелся в зеркало: красивый, статный, чернобровый, шестидесятилетний. Он всю жизнь любил себя. И жизнь тоже любил: хорошо

выпить, добре закусить, заспивать, и даже сплясать, и дивчин потискать!.. И сейчас он в самом расцвете сил. А значит, никто и ни в чем не посмеет ему перечить.

За окнами дачи закат окрасил сугробы в розоватый цвет. Ели стояли тихие, не шевелили своими лапами под снегом. Сосны летели в небо, словно ракеты-носители.

Все у него в порядке: и в жизни, и в стране. И народ облегченно вздохнул после того, как скovyрнули Никиту. Славит нового руководителя.

Держава скоро отметит свое пятидесятилетие. Мощное и славное государство, оно сеет в достатке пшеницу, строит гигантские ГЭС, и опоры линий электропередачи шагают сквозь тайгу, пограничники стоят на страже границ, а в Китае дают на день по площадке риса, и Америка погрязла во Вьетнаме. Скоро мы еще раз утрем нос америкосам: высадимся на Луне.

Часы пробили пять. Солнце блеснуло последним лучом сквозь морозную дымку и облегченно покинуло Землю.

Скоро Новый год. Сегодня он поедет к друзьям. Жена Устина Акимыча Навагина устраивает прием. Захотелось ей, понимаешь ли, словно английской аристократке: чтобы не одни мужики по-партийному собирались, а то накурят, как крокодилы, поддадут, начнут еще с официантками хулиганить. Нет, возжелала устроить суаре буржуазное: чтобы приехали все с семьями, с женами, детьми, а кое-кто и с внуками. Устин Акимыч у Леонида Ильича, конечно, спросил совета – Генеральный секретарь подумал и не сразу, но дал добро. Семейный вечер тоже дело полезное. С ребятами они еще соберутся. А тут жены, как говорится, боевые подруги, им тоже надо платья свои прогулять, прически с маникюрами друг другу продемонстрировать. К тому же – он хмыкнул, повязывая перед зеркалом галстук – ничто, гласит народная молва, так не сближает коллектив, как коллективная попойка и ее последствия.

Дача Устина Акимыча рядом, но они с Викой на машине поехали. По-простому, в «Волге» – которые, кстати, по его личному указанию стали выпускать: точь-в-точь «Опель-Капитан» (что ему дочка Галя с Милаевым из Франции привезли). Однако же это наша, советская машина! Мысль о новой линии автозавода в Горьком прибавила ему дополнительной гордости: он – руководитель огромной

страны, и по его слову реки перекрывают, ракеты в космос отправляют, автомобили клепают.

Леонид Ильич сел не впереди, как обыкновенно ездил, а сзади, рядом с Викторией Петровной. Когда хотел, он умел быть галантным. Рядом с шофером поместился охранник – что делать, положено.

Прием удался. Пить начали с тоста, что провозгласил Устин Акимыч: здравицы в честь нашего родного Леонида Ильича, и тот даже засмутился и отнекивался, но ему понравилось: «Ну, что вы, товарищи, давайте лучше выпьем за ленинское Политбюро, за наше родное ЦК...» И он не знал, что тот первый панегирик был только началом всего, что произойдет с ним в ближайшие пятнадцать лет, как станет набухать радужно-мыльный пузырь славословий и наград – а потом лопнет, рассыплется, и он умрет голенький, как обычный смертный, ни одной звезды с собой не заберет... Но досадное чувство (а любой человек предощущает собственную будущность в виде неясных сигналов) быстро исчезло, потому что он выпил шампанского и любимой зубровки, и снова стало весело и интересно жить. Они с «ребятами» встали из-за стола, расстегнули пиджаки, закурили, все свои: и Устинка Навагин, и Костя Беленко, и Димка Устрялов. Об охоте заговорили, стали байки травить, все были в ударе, и он особенно. Жены в то самое время, старые курицы, с накрученными под Лоллобриджиду волосами, в вечерних платьях, а кое-кто даже в нескромных бриллиантах, сгрудились в кучу, хвастались, кто сколько банок на зиму закрутил: тоже мне, аристократки, тоже мне, суаре. И почему это хлопцы и в шестьдесят лет еще хошь куда, а слабый пол, верные жены, давно в тираж вышли, только мариновать способны, глаза б на них не глядели.

Зато юное поколение, внуки, дышали молодостью и красотой. Они кучковались вместе, и заводила шестнадцатилетняя Нина, внучка Устина Акимыча. Леонид Ильич на своих внуков залюбовался: Ленечка и Юрочка – орлы! И как на него похожи! Старшие девочки, Нина Навагина в их числе, трогательно младших опекали. Ох, Нина Навагина! И на нее тоже Леонид Ильич любовался. Горяча, хороша, свежа! Гарная, чернобровая, глаза – огонь, уста – мед! Бойкая дивчина, коза-дереза, чье-то наказание – немало хлопцев с ума сведет! На его дочь непутевую, Галинку, в юности похожа.

Разумеется, ни малейшей вольности в отношении Ниночки он не позволил себе даже в мыслях. Как можно, девочка, внучка друга, боевого товарища! Он же не вурдалак и извращенец Берия – тот жил, как шакал, и кончил, как собака: когда

Брежнев с другими генералами арестовывал его в Кремле, он на колени пал, обмочился со страха... Конечно, никуда не годится, чтобы сам Генеральный секретарь открыто с кем-то шашни затевал, не говоря уж – с ровней, внучкой друга – ведь это не медсестра, не горничная, не официантка. Но оттого, что он за девочкой просто поухаживает, никому беды не будет. Наоборот, хозяину, Устину Акимычу, и супруге его, Анне Петровне, польстит, что Сам внимание оказал. А ему отчаянно вдруг захотелось заглянуть в глаза дивчины, почувствовать на шее жаркое дыхание, а под рукой – упругенький, твердый ее бочок. И для этого есть хороший, разрешенный и даже поощряемый всеми повод: танцы.

– Устин Акимыч, – спросил Брежнев, – а что это мы совсем обабились? Сплетничаем? Турусы тут развели? Ла-лы да ла-лы? Давайте, товарищи, танцевать!

Молвил громко, чтобы все расслышали, и проверенные боевые подруги, и юное поколение. Мужики ведь известно как к танцам относятся: бесполезное дрыгоножество и потеря авторитета, не забыли еще, как Усатый заставлял на ближней даче Никиту на потеху всем гопака плясать. Но жены, они другие, для них любая крупница внимания со стороны мужей на вес золота, а тут, можно сказать, целый личный момент в виде совместного кружения. Разумеется, верные подруги его поддержали – кто от того, что и вправду танцевать хотел, а иные из подхалимажа: потому что не кто-нибудь, а Сам предложил. Молодежь – ей, известное дело, хлебом не корми, веселье подавай. Закричали, завизжали ура! – а громче всех Ниночка Навагина.

Радиола в комнате была – советская, рижского завода, новейшая «Ригонда». Ниночку услали за пластинками – она, делая смешные прыжки, убежала. Мебель сдвигать не потребовалось, не хрущевская пятиэтажка, поди – госдача, гостиная величиной как две квартиры для народа.

Ох, хорошо: в углу комнаты сияет елка, сверкает рубиновой звездой на макушке. На столе тускло светится черная икра и весело блистает «Посольская». Устин Акимыч самолично ставит пластинки. Боевые подруги приободрились, смотрят на мужей выжидательно.

И вот хрюкнула игла, и полился из динамиков теплый голос Шульженко:

Скромненький синий платочек

Падал с опущенных плеч...

Леонид Ильич не обманул ожиданий супружницы, подошел к Вике, пригласил, закружил по идеальному паркету гостиной. Его примеру последовали другие товарищи из Секретариата и Политического бюро. Дети, как краем глаза отметил Леонид Ильич, тоже не остались в стороне: полетели в вальсе, в основном шерочка с машерочкой, пацанов мало было, а те, что присутствовали, сдрейфили (как стали нынче выражаться в молодежной среде). После того, как песня кончилась и он проводил Викторию Петровну до кресла, обязательная программа завершилась. Он вздохнул с облегчением и пригласил юную Нину.

Лицо девочки вспыхнуло от радости, и Леонид Ильич увидел краем глаза, как просияли гордостью и умилением физиономии Устина Акимыча и его супруги. А радиола заголосила:

В парке Чаир распускаются розы,

В парке Чаир зацветает миндаль...

И все случилось, как в мимолетных мечтах: крепкая и сладкая талия дивчины под рукой, чуть долетающее до щеки ее дыхание, и глаза-вишни совсем рядом...

А он вдруг не смог даже подобрать слова для первых фраз, только подумал: и впрямь достиг я высшей власти, и любые мои прихоти исполняются сразу и с удовольствием, и никому я свою власть не отдам. А потом все-таки спросил девочку:

– Ты в каком классе учишься?

– В девятом, – ответила она и рассмеялась.

Смех зазвучал не оттого, что он сказал что-то веселое или смешное, а просто от полноты жизни.

– В девятом «А» или девятом «Б»? – улыбнулся он, маскируя смущение. Он легко разлетался по паркету и вращал за собой дивчину. Танцевать всегда умел и

любил, и сил еще хватало. А все вокруг на них смотрели.

- В девятом «А», конечно.

- Почему «конечно»?

- «Ашки» лучше, чем «бэшки». Всегда были.

- А какие у тебя предметы любимые?

- Ой, да что вы, дядя Леня, все о школе да о школе!.. Давайте о чем-нибудь другом.

- О чем же?

- Ну, не знаю! О погоде, о книгах, о музыке - о чем угодно.

- О музыке? Ну, вот интересно: какую музыку ты предпочитаешь?

Девочка забавно нахмурилась.

«А глаза ее - словно вишни, щечки - персики, ротик - переспелый абрикос».

- Меня родители, конечно, в музыкалке учили. И в консерваторию у меня абонемент на каждый год был. И я бы вам, конечно, могла соврать, что мои любимые композиторы - Лист, Шуман, Брамс, я их и вправду люблю, но не так...

- А кого ж ты, Ниночка, любишь «так»?

Он улыбнулся, легко ведя девочку по паркету. Они танцевали одни, словно короли бала. Все вокруг, и взрослые, и дети, стояли и смотрели. И если сие обстоятельство льстило даже Леониду Ильичу - можно себе представить, насколько горда была дивчина!

- Не скажу, - кокетливо ответила школьница.

– Арно Бабаджаняна любишь, наверное? – пошутил он. – Илью Френкеля?

Тут музыка кончилась, и они остановились – однако он далеко не сразу оторвал свою правую руку от талии Ниночки и не выпустил ее ладонь из левой. И это, разумеется, не укрылось от внимания жен и соратников по коммунистической партии. Виктория Петровна смотрела чуть ревниво, но снисходительно, жена Устина Акимыча – гордо, чуть не влюбленно, а остальные дамы и даже девочки – завистливо.

– А сейчас – танцуют все! – сбил момент, провозгласил из угла, от радиолы, Устин Акимыч.

Динамики грянули старинный вальс «Грусть» в исполнении духового оркестра. Щемящие звуки разнеслись по гостиной, и Устин Акимыч подхватил свою супругу, подхалим Суслопаров склонился над Викторией Петровной, а Леониду Ильичу ничего не оставалось делать, как продолжить тур с Ниночкой, руку которой он так и не выпустил (хотя талию освободил).

– Нет, я советских композиторов не люблю, – серьезно молвила красавица, продолжая разговор.

– А кого ж тогда? – удивился он. – Джаз?

– Секрет!

– Почему же?

Он слегка запыхался. Сказывалось многолетнее курение чрезвычайно крепких сигарет «Новость».

– А вот не скажу, и все.

Кокетства девчонке было не занимать. Как и красоты. Он таким, как она, в своей юности в деревне Брежневка уже титьки мял. А нынешние ходят гордые. Еще, наверно даже не целованные. Фу, какая ерунда в голову лезет.

– Ну, не хочешь говорить, молчи, – пошел он на попятный.

И она тут же сдалась. Вела себя очень похоже на настоящую женщину: стоит лишь мужику отступить, как сама начинает идти вперед.

- Врать мне вам, дядя Леня, не хочется, - весьма непоследовательно продолжила она тему, - потому что я очень сильно вас уважаю. И даже люблю. А если скажу правду - вы обидитесь и заругаетесь.

- Да что ж такого в музыке может быть, за что бы я обижался?

- А эту музыку у нас, в Советском Союзе, не признают. И ругают.

- Я ругаться не буду. Обещаю.

- Нет-нет, не скажу.

Мелодия старинного вальса, столь одухотворенного и прекрасного, размягчала душу - как и движение, и ожидание Нового года, и вечер в кругу друзей, и близость свежего, юного тела. И любовные токи.

Желание немедленно увести или даже увезти дивчину (как гусары увозили!) вдруг вспыхнуло в немолодом уже теле, и он разом понял столь осуждаемых старичков в дореволюционной помещичьей жизни, что женились на молоденьких: смотри картину Пукирева «Неравный брак». Он неожиданно осознал, что чувствовали те, кто брал себе в жены юных, и готов был почти признаться, что они - правы. Но сейчас, в советской стране, с внучкой соратника - нет, нет, решительно невозможно! Отогнал от себя грешные позывы, попытавшись отвлечься от прелестницы и сосредоточиться на лицах других танцующих.

Девушка истолковала затянувшееся молчание Леонида Ильича по-своему.

- Ладно, скажу, - с очаровательной непоследовательностью вдруг молвила она.

Брежнев поощряюще улыбнулся. От лихого танца и борьбы с животным в себе он вдруг почувствовал, что устал. Раньше такого не было.

Он лишь сделал неопределенный жест плечами: мол, хочешь – рассказывай, не хочешь – молчи. Инстинкт старого ловеласа подсказывал ему абсолютно правильный стиль общения – хоть он и не тренировался в искусстве флирта, почитай, лет шесть. Девочка снова разбудила его инстинкты! Только за это уже можно быть ей благодарным.

– Мне нравятся битлы, – вдруг прошептала она.

– Кто? – не понял он. Он в первый раз слышал это слово.

– Ну, битлы.

– А кто это?

– Вы вправду не знаете, дядя Леня?

– Ты же меня раньше не просвещала.

– А почему ж тогда их у нас ругают?

– Кто посмел? – Ему тоже без труда, безо всякой натуги удалось возвращение к легким таинствам словесной любовной игры.

– Все говорят, что они плохие!

– Кто?!

– Лектор у нас был. И наша классная. И в газете писали. А они не плохие, а очень музыкально одаренные. Вы ведь лично не против них?

– Если только они не сделали что-нибудь ужасное.

– Вроде чего?

– Ну, негров они не линчевали? – пошутил он.

- Что вы, дядя Леня! - всерьез ужаснулась она.

Музыка снова кончилась, и они опять стояли друг напротив друга. Устин Акимыч быстро-быстро поставил новую пластинку, Вертинского - и дядя Леня снова закружил школьницу Нину. Он видел, как слегка нахмурилась Виктория Петровна: поведение супруга становилось неприличным. Но, как всегда, он мало уделил внимания ее недовольству: не первый раз и не последний он ухаживает за женщинами, и жена никогда не вмешивалась, а супиться может сколько угодно. И тур вальса с девочкой продолжался. Как и разговор.

- И, дядя Леня, битлы - очень талантливые. Знаете что?

- Что же?

- У нас вся молодежь их любит. Даже все комсомольцы. Ребята могут вам сколько угодно врать, что любят Магомаева, но на самом деле они все балдеют от «Битлз».

- Что делают? - не понял он слова «балдеют».

- Ну, всей молодежи очень нравятся эти музыканты - они не просто волосатики, как у нас пишут, они докеры, простые рабочие парни из Ливерпуля, и очень талантливые, мне даже моя учительница музыки об этом сказала. Бит-квартет «Битлз» - так они официально называются.

- Ну, спасибо, просветила старика, - усмехнулся он.

- И совсем вы не старик! - убежденно сказала девочка. - Вон, у вас ни одного даже седого волоска нет!

Слова Нины отозвались теплом в груди.

- Что ж, правду говорят, - молвил Леонид Ильич, - чем сто раз услышать, лучше один раз... послушать. Музыку я имею в виду.

- Послушать? Вы вправду хотите?

– Этих самых битлов? Хочу.

Он думал, что обещанный музыкально-образовательный момент произойдет когда-нибудь в неопределенном будущем, но девочка воскликнула: «Ладно!» – и, легко выскользнув из его объятий, порывисто бросилась вон из гостиной. Леонид Ильич остался, как дурак, стоять в одиночестве посреди залы. Танцующих оказалось мало – сидели, в основном разговаривали. Виктория Петровна, например, с чопорным Суслопаровым. Тот все губы поджимал, словно постоянно был недоволен чем-то. «Зря мы его пригласили, – подумал Брежнев, – скучный он, как касторка, надо сказать Устину, чтобы больше не звал».

В гостиную порывисто вбежала Нина. В руках она держала большой цветастый конверт с зарубежной грампластинкой. Возле «Ригонды» у нее произошло с дедом, по-прежнему заведующим музыкальной частью, небольшое столкновение и спор вполголоса:

– Я тебе запрещаю!

– Пусти, дед! Меня Леонид Ильич сам послушать просил! Я специально для него диск принесла!

И она твердо, но вежливо оттеснила Устина Акимыча от радиолы и бережно установила пластинку на круг. Нежно хрустнула игла, и гостиную огласили не слыханные здесь звуки: «Кэнт бай ми ла-а-ав!»

Жена Устина Акимыча в ужасе – скорее все-таки притворном – зажала уши руками. А Нина вдруг выхватила из небольшой толпы детей другую девчонку – и как начали они наяривать, жарить рок-н-ролл, с поддержками, полетами, пируэтами, что Леонид Ильич залюбовался пусть чуждыми, но такими совершенными па двух юных партнерш. Однако все прочие гости глядели на танцующих и слушали английскую ревущую музыку с очевидным осуждением. Особенно идеолог Суслопаров – губы его совсем сложились в ниточку. Буржуазный танец рок-н-ролл! Апофеоз капиталистического разложения! И где?! В самом сердце Страны Советов, на даче члена Политбюро! В присутствии Генерального секретаря и других руководителей Центрального Комитета!

Вскоре песня закончилась. Запыхавшиеся, покрасневшиеся, но безмерно довольные девочки остановились. И гости, и сам Устин Акимыч с осуждением –

правда, пока безмолвным – посматривали на них. На лице Устина к осуждению добавлялась тревога. Все хранили молчание, ожидая реакции Леонида Ильича. А «Битлз» уже начали исполнять новую песню, про вечер после трудного дня.

И только тогда Леонид Ильич не спеша захолопал, адресуясь в основном девочкам, однако и музыкальному сопровождению, пресловутым битлам, отдавая толику уважения.

* * *

Он и в самом деле достиг высшей власти. Да только власть – это не свобода, а, оказывается, сплошные ограничения.

«Все могут короли, все могут короли, и судьбы всей земли вершат они порой!» – как спел десять лет спустя молоденькая певица Алла Пугачева, и он полюбил ее за эту песню: «Да это ж про меня!» Поэтому он будет прощать певице все ее загулы и вызывающее поведение – а не раз на нее сигналы поступали.

Вот и Леонид Ильич: ведь мог – если бы ему вдруг собственная жизнь, родная страна и вся планета была не дорога – отдать приказ начать ядерную бомбардировку Америки. Или послать свои войска хоть в Чехословакию, хоть в Афганистан. Мог миловать кого хотел. А кого хотел, судить. И Сахарова заточить в Горьком, а Солженицына – выслать из страны. Однако не мог позволить себе самого простого: отдаться нахлынувшему чувству, любви к шестнадцатилетней Ниночке.

Хотя Устин Акимыч, старый товарищ, жук, хитрован, разумеется, заметил его отношение к внученьке и позвонил ему. Пригласил после Нового года, «на бывшее Рождество», прибыть всей семьей в гости. И не преминул заметить: «Вместе с внуками приходи, Юрой и Леной. И внученька, Нина моя, тоже будет». Но Леонид Ильич в основном из-за упоминания Нины отказался. Не позволит он, чтобы над ним смеялись и вокруг его имени, хотя бы даже в самом узком кругу, ходили разговоры. А ведь они начались бы, стоило бы ему еще раз прилюдно проявить знаки внимания девушке.

Придется ему эту нежность – возможно, последнюю в жизни – вырвать из собственного сердца.

Но то, что ему в предновогодний вечер рассказывала Ниночка – про современную музыку и волосатиков-докеров из Ливерпуля, – он не забыл, как в ту пору не забывал еще ни словечка из того, что ему говорилось. И второго января, в первый рабочий день – а в ту пору советские люди не отдыхали зимой беспробудную неделю напролет, а уже второго шли трудиться, – Леонид Ильич дал задание соответствующему отделу ЦК подготовить ему подробную справку о вышеупомянутом музыкальном коллективе. И аналитическую записку: каким образом можно использовать в интересах Советского Союза английский квартет.

Поручение Генерального секретаря расписали заместителю заведующего отдела контрпропаганды, психологической борьбы и идеологических диверсий Петру Ильичу Васнецову.

А спустя месяц Брежнев принял Васнецова у себя на даче и имел с ним длительную и дружескую беседу, сопровождавшуюся возлияниями. Спустя два часа ошеломленный Петр Ильич отбыл домой – в ранге специального советника Леонида Ильича, а также руководителя спецоперации (с неограниченными полномочиями) под кодовым названием «Моряк».

6. Бульон с яйцом для генерала Васнецова

Прошло тринадцать месяцев. Февраль 1968 года

Секретный аэродром Кырыштым

Тридцать пять минут после посадки

Васнецов Петр Ильич

В стане музыкантов после торжественной встречи на советской земле и церемонии с участием духового оркестра царило самое восторженное настроение. Джон, Пол и Джордж поместились втроем на заднем сиденье «Чайки», а безотказный Ринго – на откидном, для охранника. Васнецов уселся впереди, рядом с водителем. Битлы отрывисто и воодушевленно переговаривались. «Генерал» прислушивался к диалогу гостей, однако, к

собственному огорчению, не мог понять и половины. Его рафинированный, но американский английский, отшлифованный в Колумбийском университете, оказался почти бессилён против ливерпульского акцента, уснащенного кучей жаргонизмов.

Представительский лимузин неся сквозь могучую тайгу по бетонке, соединяющей секретный аэродром с не обозначенным ни на каких картах военным городком под почтовым наименованием Комсомольск-17.

– По-моему, после того, что мы сегодня увидели, русским ничего не останется делать, кроме как расстрелять нас, – со смешком проговорил Джон (он показался Васнецову самым остроумным из них).

Его слова потонули в хохоте товарищей. Слава богу, реплику удалось разобрать «генералу», и он в тон откликнулся нарочито кровожадным голосом:

– Мы обычно наших врагов травим ядом.

Первая фраза в разговоре всегда значит многое, потому Васнецов только сейчас и открыл, впервые за поездку, рот: он нащупывал камертон разговора, и теперь почувствовал, что угадал, потому что следом за его словами раздался дружный хохот. А Пол («генерал» узнавал каждого из ребят, не оборачиваясь, по голосам – вот что значит предварительная подготовка к операции!), дурачась, пропел несколько нот из главной темы к бондиане: «Та-да-ра-там...» (Фильмы про агента 007 Петр Ильич смотрел на закрытых показах в ЦК.) Музыкальная реплика Пола также имела успех: парни опять заржали. Улыбнулся и «генерал».

– Не волнуйтесь, – молвил он уже серьезнее, но с мягкой улыбкой, – мы настолько вас ценим, что готовы даже позволить вам выведать кое-какие наши секреты. И русские не кровожадны, как уверяет ваша пресса, а гостеприимны.

– Куда нас везут? – несколько тревожно спросил Ринго.

– Отдыхать. Развлекаться, – беспечно отвечал Васнецов.

В этот момент лимузин подкатил к железным воротам в бетонном заборе. На воротах не было никаких опознавательных знаков – даже обычной для объектов

Министерства обороны звезды. Железные створки распахнулись благодаря усилиям двух солдатиков. Оба они вытянулись во фронт, изо всех сил приветствуя «членовоз». А восторженный Пол открыл окно, высунулся и, напуская в лимузин мороз, помахал парням в шинелях и ушанках. Когда влез обратно, молвил нарочито быстро – чтобы не смог разобрать Васнецов: «У меня сложилось впечатление, что они все тут нас не узнают». Однако «генерал» реплику расслышал и ответил, потому что разговор повернул в полезное русло и лил воду на мельницу Петра Ильича:

– Так оно и есть. К сожалению, в Советском Союзе ваше творчество мало кому еще известно.

– Надо это поправить, – вполголоса бросил Джордж, и фраза его тоже шла Васнецову в зачет. Впрочем, он предпочитал не форсировать события и молвил:

– Здесь, в городке, живут техники и инженеры, обслуживающие аэродром, а также летчики. Ну, и их семьи, разумеется.

Битлы во все глаза смотрели в окна лимузина: на улицах русской военной базы малоллюдно, машин почти нет. Стандартные трех-четырёхэтажные дома из красного кирпича. Чисто, заснежено, спокойно. Мамаши гуляют с колясками, дети в шубках, с румяными от мороза щеками, тащат портфели. Горячий парок поднимается над их юными головами и ушанками из кожзаменителя и рыбьего меха.

«Чайка» подкатила к «генеральскому дому» – так его именовали в городке, в нем обычно останавливалось самое высокое начальство, прилетавшее из Москвы. Для командированных рангом пониже предназначалась офицерская гостиница – туда поместили служителей культа из самолета. А совсем уж мелких приезжих сошек обычно селили в казармах. Туда же засунули, как балласт, прочих пассажиров, совершивших вынужденную посадку. Гостевой дом стоял на отшибе, среди небольшого скверика, и, несмотря на то, что специально не охранялся, население секретного городка не имело обыкновения прогуливаться поблизости, да и детям своим заказывало. Упаси бог, потревожишь покой высоких гостей, потом неприятностей не оберешься – ведь там останавливались в разные времена и командующий округом, и главный конструктор, и даже министр обороны.

В «генеральском доме» было пять отдельных спален (очень подходящее для случившейся оказии количество, по одной комнате для каждого из музыкантов плюс Васнецов), с туалетами и ванными, куда бесперебойно (в отличие от остальных домов городка) подавалась вода, холодная и даже горячая. В строении также размещалась кухня, раздевалка для персонала, а для высоких гостей – большая столовая и просторная гостиная, она же «красный уголок» или при необходимости комната для совещаний: помещение было оборудовано спецсвязью, телевизором, коротковолновым радио с проигрывателем грампластинок, а также наборами настольных игр: шашек, шахмат и домино. Ну, и кроме того, имелась секретная комната, замаскированная под склад барахла – оттуда военная контрразведка вела запись всех разговоров, ведущихся в «генеральском доме».

Едва лимузин остановился у дверей, откуда ни возьмись выскочил румяный офицерик в парадной шинели. Выпрыгнул из своей двери шофер. Оба совместными усилиями распахнули для высоких гостей три двери «Чайки» из четырех. Битлы выбрались на морозный воздух. По их довольным физиономиям Васнецов мог заключить, что происходящее им по-прежнему нравится.

И тут на пороге гостевого коттеджа возникли три персоны, на которых гости просто не могли не обратить самого пристального внимания: три девицы в русских национальных уборах – красные сарафаны долу с синей и белой вышивкой, кокошники. А уж красавицы – одна другой лучше, писанные: брови вразлет, щеки, румяные от мороза и от природы. От дыхания струится вдохновенный парок. А глаза сияют, лучатся: восторгом и даже любовью. Стройные, юные, грудастые. Битлы как только повернулись к ним – так даже дар речи потеряли. Пол присвистнул. Стать и облик девиц даже музыкантов, привычных к женскому поклонению, слегка пришибли.

– В России есть обычай, – пояснил Васнецов парням тихо, но внятно (он уже освоился с их английским), – встречать самых дорогих гостей хлебом и солью. – И действительно, центральная девушка, самая высокая и красивая, держала рушник с национальным узором и тарелку с караваем, на вершине коего была помещена солонка. – Положено отломить прямо руками кусок хлеба, обмакнуть его в соль и символически отведать.

– А следует ли поцеловать девушку? – спросил Пол.

Он среди них освоился быстрее всех, да и вообще, как показалось Васнецову, являлся заводилой. Вопрос вызвал у «генерала» противоречивые чувства. С одной стороны, половой интерес Пола (скаламбурил про себя он) был, что называется, в струю, потому что служил, конечно, цели операции. Но с другой, он вызвал в его сердце острейший приступ беспокойства и даже ревности.

Почему же?

Дело в том, что хотя главная девушка с караваем по имени Аксинья никакого личного отношения к Васнецову не имела (она являлась переводчицей и старшим лейтенантом Комитета госбезопасности, была отобрана для операции Петром Ильичом и привезена сюда из Владивостока), с двумя другими у «генерала» были совершенно особые отношения. Одна из красных девиц являлась не кем иным, как внучкой самого члена Политбюро Устина Акимыча Навагина – Ниной. А вторая, того хлеще, – Наташей, родной дочерью Васнецова!

О том, с какой стати и каким образом девушки вдруг оказались в секретном авиагородке, в эпицентре специальной операции, – речь впереди. Пока же Васнецов на вопрос Пола о поцелуйчиках выбрал из двух возможных ответ отрицательный – ревнивый и целомудренный: «Традициями это не одобряется». И музыканты, градус восторженности которых от вида встречающих красавиц снова слегка повысился, по очереди отламывали хлеб, макали в соль, жевали – однако послушались и девиц целовать не решились. В то же время глаза последних лучились такой любовью, что они сами, казалось, хотели не просто прыгнуть к английским парням в объятия, но и облизать каждого с головы до ног. «Эх, зря я пошел у девчонок на поводу, напрасно не изолировал – но куда денешься от их упрашиваний, к тому же личную просьбу Леонида Ильича в карман не засунешь». Другое дело, что пожелание Генерального секретаря баловать юную особу, внучку Устина Акимыча, вступало в явное противоречие с другим его наказом: «Смотри, упаси бог, что с ней случится – за Нину головой мне отвечаешь». И как теперь прикажете одновременно и рыбку съесть, и косточкой не подавиться? И лакомую капусту спасти – от четырех козлов?

«Генерал» лично проводил каждого из битлов в отведенные им комнаты. Далее, на его усмотрение, операция должна была развиваться следующим образом: либо дать музыкантам принять душ и отдохнуть с дороги (Васнецов знал, сколь фанатично много буржуазия уделяет времени личной гигиене), либо немедленно вести их обедать. Петр Ильич почувствовал, что надо ковать железо, пока горячо, и потому пригласил музыкантов к столу.

Столовая блистала. На крахмальном столе заманчиво мерцали хрустальные графины с водками, коньяками и настойками. Обреченно улыбался румяный поросенок. Вздымала хищный хребет стерлядь. Матово светились чаны с красной и черной икрой.

Прорабатывая меню, Васнецов настоял, чтобы угощение подавали исключительно а-ля рус: никакого, прости господи, виски или, допустим, фиш-н-чипс. Раз музыканты – гости Советского Союза, значит, и блюда должны отведывать национальные, разбавленные легким акцентом нерушимой дружбы советских народов – вроде грузинского шашлыка или среднеазиатского плова. И теперь Петр Ильич оглядывал столовую с чувством законной гордости – тем паче и подавальщицами выстроилась сплошь его креатура. Официанток он лично отобрал – сперва по фотографиям в делах, а затем и в результате личных собеседований. Требования к кандидаткам были четко очерчены: во-первых, красота, во-вторых, знание английского – ну, и в-третьих, определенная моральная неразборчивость (не сама по себе, а, разумеется, по приказу партии и правительства). Умение принести-унести-подлить – дело десятое и наживное, справедливо рассудил Васнецов. Человек, специально выписанный из Владивостока, красоток за три дня натренировал. А на официанток у негенерала с особыми полномочиями имелись далеко идущие планы. И преимущества социализма, полагал он, следует демонстрировать не только в сфере ракет, хоккея с шайбой и балета, но и женской красоты. Коли резиденты и связники спецслужб легко ловятся в медовые ловушки, то морально неустойчивым музыкантам сам бог велел.

Словом, явление накрахмаленных дивчин в столовой зале произвело на битлов предсказуемый эффект. И красота трех официанток – русой, чернявой и блондинистой, в коротких, по современной западной моде, юбчонках – поразила музыкантов в самые глубины их сердец и выветрила из них (понадеялся Васнецов) воспоминания о красавицах в кокошниках (в том числе и о родной его дочери), встречавших квартет на пороге гостевого домика. Одна из официанток, самая красивая и возрастная, Маруся, двадцати семи лет, старший лейтенант госбезопасности, протянула с поклоном парням (и «генералу») поднос, на коем светились штофы с водкой.

– Полагается выпить до дна, – пояснил Петр Ильич по-английски. – И здесь поцелуи не возбраняются. – И подал пример, залпом опрокинув рюмку, а затем вместо закуски смачно поцеловал Марусю в губы. Ливерпульских парней уговаривать не пришлось. Рашен водка и рашен претти вумен все они отведали

ОХОТНО.

Итак, Васнецов умело поддерживал градус веселья и потихоньку накалял атмосферу взаимопонимания.

А что же его родная дочь Наташа и ее драгоценная во всех смыслах подруга Нина? Вопреки трепетным надеждам девиц в кокошниках к столу с битлами не допустили. Офицерик-ординарец в чине лейтенанта и старшая дева в сарафане вежливо, но решительно закрыли перед ними дверь в столовую, а затем проводили в мрачную подсобку, где приказали переодеться и сдать сценические костюмы. Девочки были в отчаянии: неужели они интриговали, махинировали, бежали из дома и ехали за восемь тысяч километров только ради того, чтобы в течение двух-трех минут лицезреть объект своей страсти: Джона, Пола, Джорджа и Ринго? «Ну, папка, ну, я тебе устрою!» – гневалась Наташа. «Позвонить, что ли, прямо отсюда Леониду Ильичу?» – деловито размышляла более практичная Нина.

Однако следует раскрыть загадку: каким образом девушки вдруг очутились в Комсомольске-17 именно в тот день, который в плане операции «Моряк» был определен как день икс?

Все тайное рано или поздно становится явным, а болтун – находка для шпиона. Две этих нехитрых истины познал на своей шкуре замзавотделом ЦК товарищ Васнецов. Стоило ему однажды прийти с работы в подпитии... Похвастать в этом состоянии родной жене об операции, которую он имеет честь возглавлять... Упомянуть название «Битлз» и то, что акцию курирует лично Генеральный секретарь... Короче говоря, их с супругой доверительный разговор подслушала Наташа. Однако у нее хватило ума не выпрашивать у папки подробности – все равно он, протрезвев, все бы отрицал, – а поделиться информацией с Ниной. И вот...

Четырьмя днями ранее дня икс. Февраль 1968 года

Подмосковье

Навагина Нина

– Поезжайте, пожалуйста, на дачу к Леониду Ильичу, – со всей возможной кротостью попросила Нина.

– А Устин Акимыч в курсе, что ты машину берешь? – мрачно поинтересовался противный шофер Вадим.

– В курсе, в курсе, – не моргнув глазом соврала девушка.

Водитель тем не менее потянулся к телефонной трубке.

– Дедушка отдыхает после обеда. Он будет недоволен, что его разбудили.

Обращая на деву не больше внимания, чем на комара, шофер набрал номер и коротко доложил:

– Объект восьмой попросил меня покинуть вместе с ним периметр.

– Указаний не поступало, – квакнула трубка, и шофер, мило улыбаясь, обернулся к Нине:

– Освободите машину, сударыня.

Той ничего не оставалось делать, кроме как вылезти из лимузина. Про себя она ворчала: «Какая я тебе сударыня!.. Вот хам трамвайный!.. Он бы еще гражданочкой меня назвал!» – но втихомолку: не дай бог, водила услышит и доложит деду, а тот взгреет ее по первое число, для него неуважение к обслуживающему персоналу – одно из самых тяжких преступлений: «Они такие же советские люди, как и ты, заруби это себе на носу!»

Делать было нечего, пришлось Нине тащиться на дачу к Брежневу пешком. Хоть жили они по соседству, путь неблизкий: если по дороге, километра полтора. А тут и снег повалил, а зонтика или шапки не было... Короче, на дачу к Брежневу Нина заявила натуральной лахудрой: прическа испортилась, шубка мокрая, как у выдры... На КПП ее в первый момент даже не узнали: что за подозрительная юная гражданка? Но так как девушка рассказывала очень складно, да и аудиенции с Генеральным секретарем требовала уверенно, ее проводили к дежурному офицеру охраны, майору Петрову. А майор Нину, внучку

Устина Акимыча, признал сразу. И вскорости вспомнил – как обязан был помнить о тысяче важных мелочей – об особом, платонически-любовном отношении к девочке, которое, кажется, испытывал Брежнев.

Поэтому он сделал то, чего не позволяла и даже прямо запрещала инструкция (но что в данном случае подсказывал Петрову внутренний голос): взял да и доложил о незваной гостье непосредственно и напрямую Леониду Ильичу. А тот, хоть и отдыхал в субботний день после обеда, гневаться не стал, наоборот, потеплел (правильно все угадал майор!) и немедля приказал доставить девушку к нему. Внучке Устина Акимыча старший охранник велел причесаться да мокрую шубу снять – и через три минуты доставил Нину на разъездной «Волге» к служебному входу в дом. А еще через пять минут вводил девушку в кабинет Леонида Ильича.

План разговора Нина в уме не составляла. Верила, что сообразит по ходу дела, интуиция подскажет. И теперь, увидев «дядю Леню» – какой он большой, радушный, ласковый, как нежно на нее смотрит, – сразу успокоилась. Генеральный секретарь был в голубом, так называемом олимпийском спортивном костюме: синих шароварах и кофте на молнии с надписью на спине СССР. На ногах шлепанцы.

Уютно горел торшер. Хозяин кабинета сидел под ним на диване, читал бумаги.

– Ну, здравствуй, красавица, – прогудел Брежнев. – Проходи, садись. – Похлопал по кожаному дивану рядом с собой. – Чаю?

– Нет, спасибо, дядя Леня. – Она уселась на уголок.

– Может, покушаешь чего?

– Я не голодна. Я по делу.

– По де-елу? Дед, что ли, прислал? – испытующе поинтересовался Брежнев.

– Нет, ну что вы! – испугалась Нина. – Устин Акимыч вообще не в курсе! И вы ему не говорите, что я у вас была!

– Коли просишь – не скажу. А что за дело-то?

И она немедленно принялась самозабвенно врать. Как случайно заглянула у деда на столе в бумаги, а там написано про операцию «Моряк», и как ей понравилась сама идея, и как она хотела бы поработать для ее осуществления – бывают же и в таком деле комсомольцы-добровольцы? Добровольцы всегда нашей стране самозабвенно служили, правильно? А она как раз подходит для большого дела, и у нее по английскому твердая пятерка, она готова на любую работу, ведь нужны же будут битлам переводчицы или хотя бы горничные или официантки...

То, что девушка врала по поводу источника информации, сомнений не вызывало – хотя бы потому, что Устин Акимыч вовсе не был посвящен в детали «Моряка» и никаких бумаг ему по поводу операции, естественно, не направлялось. «Но откуда тогда утечка?» – спросил себя Брежнев – как юница вдруг сама ответила на этот вопрос. Верная дружбе, упомянула:

– И другие девочки, мои подруги, тоже могли бы в операции помочь – например, есть такая Наташа Васнецова...

И тогда сразу все сложилось: значит, Васнецов протрепался в семье, наказать его за это! А его дочка, только что упомянутая Наталья, передала, значит, подружке Нине, и та, в свою очередь – ох, боевая дивчина! – решила действовать, и сразу через него, «дядю Леню».

Досада и ревность цапнули его за сердце: значит, сейчас он нужен ей только для того, чтобы добраться до других, настоящих объектов ее девичьей влюбленности, пресловутых битлов. Однако голосок девушки все равно звучал так нежно, глазки смотрели так доверчиво, и вся она была столь юна, нежна и румяна, что сердце Леонида Ильича таяло и расплывалось, будто мягкий воск.

Он не удержался, протянул руку и погладил ее по голове: по непокорным и слегка мокрым волосам. Она нежно взяла его ладонь своей ручкой и вдруг прижала ее к собственной щеке.

– Чего ж ты хочешь? – хриплым от чувств голосом спросил он.

– Я хочу вместе с Наташей полететь туда, к ним, – твердо молвила она.

– Не боишься?

– Ни капли.

– Ах ты коза!

Он оторвал свою ладонь от ее щеки – нет, нет, никак с ней невозможно, позор, пусть девочка на расстоянии хотя бы вытянутой руки дарит ему свою молодость и силы – и молвил:

– Ну, хорошо. Раз уж хочется, поезжайте. Только надо для Устина и для родителей твоих легенду придумать, куда ты отправилась. Я за вас лично словечко перед Васнецовым замолвлю. Он у нас операцией командует.

7. Побег в свободный мир

Февраль 1968 года. День икс

Два часа после приземления

СССР, Хабаровский край,

военный городок Комсомольск-17

Навагина Нина и Васнецова Наталья

И вот, вместо того чтобы сидеть с высокими гостями за столом на равных и чтобы папка представил их группе «Битлз»: «Моя дочь Наташа, ее подруга Нина», – последовал дурацкий, нелепейший маскарад: сарафаны, кокошники... А теперь и вовсе: переодевайтесь, и вы свободны. Нет, срочно надо что-то придумать. Так шепнула Нина Наташе – и подружка согласно закивала.

А «генерал» Васнецов плел меж тем в столовой свою интригу. После того как гости выпили по четыре рюмки, закусили икоркой и белорыбицей, настала пора, решил он, поговорить начистоту. Или сделать вид, что начистоту – потому что всей правды, уж конечно, ни музыканты, ни кто бы то ни было в целом мире, за исключением Генерального секретаря ЦК КПСС, не узнает. А момент был подходящий. Музыканты захмелели, раздумялись. Пол да Джон даже руки принялись распускать, щупать девах за филейные места – а те только хихикали, делано конфузились, уворачивались.

– Господа, – молвил Петр Ильич, – советские люди счастливы, что вы, пусть не по собственной воле, но посетили нашу страну. Мы надеемся, что ваш незапланированный визит послужит делу укрепления добрососедства между двумя нашими странами и установлению прочного мира во всем мире.

Битлы притихли, слушали Васнецова внимательно. Правда, на лице у насмешника Джона застыла скептическая ухмылка, а Ринго внимал весьма недоверчиво, но ведь на то и существует мастерство лектора и убежденного коммуниста, чтобы перетянуть на свою сторону любого колеблющегося и сомневающегося – не тому ли нас учил Владимир Ильич? И «генерал» (а он по-прежнему оставался в форме) продолжил свой спич, стараясь быть как можно более убедительным:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Джулия, глаза-кораллы, дикая сердцем, зовет меня. И потому я о любви пою,
Джулия... (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихи – Д. Леннон,
П. Маккартни, вольный пер. с англ. – Анна и Сергей Литвиновы)

2

Выслушайте, кто-нибудь. Я расскажу о девчонке, что ко мне приходила...

3

Слова пролетают, как дождь бесконечный в бумажный стаканчик...

4

Мишель, миленькая моя, только эти слова я мог подобрать для тебя, моя
Мишель...

5

Любовь, любовь, любовь... Всем нам нужна любовь...

6

Ничего ты не сделаешь из того, что не сделал,

Ничего не споешь из того, что не спел,

И ничего не скажешь, но можешь научиться играть —

Просто!

7

Пастор Маккензи проповедь грянет – но для кого?

Никто не пришел.

Глянь на работу его – ночами он чинит носки, а вокруг ни души.

Для кого?

8

Одна из разновидностей цензуры в советские времена: ни одно произведение, в том числе музыкальное, не разрешалось без особым образом оформленного разрешения властей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/boysya-svoih-zhelaniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)